

ПО ЛЕРМОНТОВСКИМ  
МЕСТАМ













**М. Ю. Лермонтов.**  
(Автопортрет).



# ПО ЛЕРМОНТОВСКИМ МЕСТАМ

*путеводитель*

*(Второе переработанное издание)*



Ставропольское  
книжное издательство  
1955

**Путеводитель „По лермонтовским местам“  
на Кавказских Минеральных Водах**

составлен коллективом сотрудников  
Пятигорского Государственного музея  
„Домик Лермонтова“: *А. И. Гребенковой,*  
*С. И. Недумовым и П. Е. Селегей.*

## ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПОЭТ

«На горизонте нашей поэзии взошло новое яркое светило»,—взволнованно писал Белинский о М. Ю. Лермонтове в 1840 году, когда вышел первый сборник стихотворений поэта. В небольшую книжку входило лишь двадцать восемь произведений, отобранных самим Лермонтовым из обширного своего творчества: «Бородино», «Мцыри», «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», знаменитая «Дума», стихотворения «Тучи», «1 января», «Казачья колыбельная песня», «И скучно и грустно» и другие.

Великий революционный мыслитель В. Г. Белинский пронизательно увидел в Лермонтове «поэта русского, народного, в высшем и благороднейшем значении этого слова, поэта, в котором выразился исторический момент русского общества».

Мировоззрение и творчество Лермонтова складывались в мрачную пору николаевской реакции, последовавшей вслед за разгромом восстания декабристов 1825 года.

Николай I, боявшийся призрака революции, жестоко расправлялся с передовыми людьми того времени. Тюрьмы, ссылки, каторга, солдатчина являлись уделом всякого, кто «осмеливался под-

нять голову выше уровня, начертанного императорским скипетром» (Герцен).

Но лучшие люди русского общества не отошли от борьбы за светлое будущее, не сложили оружия и в это трудное время. На смену декабристам росли и формировались новые силы революционеров-демократов — поколение Герцена, Белинского, а затем Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина.

В направлении революционной демократии развивался и Лермонтов, о котором Герцен говорил: «Он всецело принадлежит к нашему поколению». С ними поэта сближала могучая мятежная сила, отрицание старого мира, любовь к своему народу и вера в его могучую силу.

Николаевская эпоха — «царство мглы и произвола» — окрасила лирику Лермонтова в трагические тона. Однако основной пафос поэзии Лермонтова — это отрицание самодержавно-крепостнической действительности, жажда деятельности, свободы.

Так жизнь скучна, когда боренья нет.

Мне нужно действовать, я каждый день  
Бессмертным сделать бы желал, как тень  
Великого героя, и понять  
Я не могу, что значит отдыхать.

Эти строки, написанные семнадцатилетним юношей, могут служить эпиграфом ко всему творчеству Лермонтова.

Продолжая лучшие традиции предшествующей литературы, традиции Пушкина и декабристов, Лермонтов беспощадно разоблачает пороки николаевской действительности, крепостное право,

политическое угнетение народа; гневно клеймит реакционность аристократического общества. В этом отношении огромное значение стихотворения «Смерть поэта», в котором Лермонтов не только скорбит о великом Пушкине, но и бросает полные презрения слова дворянско-крепостническому обществу, называя его палачом свободы, гения и славы.

Никто другой, как Лермонтов, в условиях жесточайшей николаевской реакции не показал в литературе так ярко противоречия эпохи, типические черты передовых людей 30-х годов, их мысли и чувства, их идейные искания.

Бичуя общественные пороки современной ему действительности, Лермонтов вместе с тем создаёт героические образы борцов, гордых и смелых людей, безгранично любящих свободу. Это мятежный «Демон» — «царь познания и свободы», восставший против бога. Это «Вадим» — «последний вольный славянин», «свободы витязь молодой», мечтающий о том, чтоб «вольность пробудить опять». Это отважный юноша Мцыри из одноимённой поэмы «Мцыри», который знал «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть» — страсть к свободе.

Белинский, высоко оценивший это произведение, писал:

«Что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого Мцыри, — это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности».

Лермонтов — поэт глубоко народный. Белинский указывал, что Лермонтов «вошёл в царство народности как полный властелин».

Народность поэта сливается с его глубоким

патриотизмом, любовью к родине. Об этом свидетельствуют произведения «Бородино», «Родина», «Казачья колыбельная песня».

В замечательном стихотворении «Родина», отрицающая дворянско-помещичью Россию, поэт с глубокой любовью говорит о России крестьянской, народной. Как указывал Добролюбов, в этом стихотворении Лермонтов «понимает любовь к отечеству истинно свято и разумно».

В глубоко патриотическом произведении «Бородино» с душевной правдой раскрывает Лермонтов образ безымянных героев, их стойкую верность долгу и родине.

Стихотворение «Бородино» до сих пор остаётся непревзойдённым поэтическим гимном богатырям русского народа, спасшим независимость своей родины в Отечественную войну 1812 года. Об этой бессмертной заслуге великого русского поэта было сказано в газете «Правда» от 27 июля 1951 года, в столетнюю годовщину смерти великого русского поэта:

«Бородино» — величайшая ценность русской литературы. Нет русского человека, любящего свою родину, который не знал бы этого стихотворения, который бы не обязан был Лермонтову своим патриотическим воспитанием».

Героическому прошлому русского народа, «столь полному славы и великих дел», народной силе, в которой Лермонтов видел будущее России, поэт в стихотворении «Дума» противопоставляет своих современников, гневно обвиняя их в бездействии и равнодушии к «добру и злу». Но Лермонтов не мог ограничиться только горьким приговором. Его «Дума» воспламеняла для битвы. Лермонтов был один из тех патриотов, чей стих

...«носился над толпой  
И, отзыв мыслей благородных  
Звучал, как колокол на башне вечевой  
Во дни торжеств и бед народных».

Большое место в поэтическом творчестве Лермонтова занимают стихотворения и поэмы, посвящённые Кавказу. Кавказ дал Лермонтову материал для социально-психологического романа «Герой нашего времени». Мотивы глубокой любви к родине, к свободолюбивым народам Кавказа пронизывают и кавказское творчество Лермонтова.

Великие русские критики — революционные демократы высоко ценили поэзию Лермонтова. Чернышевский и Добролюбов видели в Лермонтове поэта с твёрдыми определёнными убеждениями, у которого ненависть к существующей действительности сливалась с любовью к народу. Белинский высоко ценил в поэте его задушевную покоряющую лирику, но самое главное — его смелый протест против самодержавно-крепостнического рабства.

Творчество Лермонтова, одного из величайших поэтов русской классической литературы, имело огромное влияние на последующее за ним поколение русских писателей: Некрасова, Льва Толстого, Чехова, Горького, Маяковского.

Лермонтов был одним из любимых поэтов В. И. Ленина, С. М. Кирова, Н. К. Крупской. Не раз обращался В. И. Ленин к цитатам из произведений поэта.

Действенность, «жадное желание дела, активно-го вмешательства в жизнь» отмечал в Лермонтове М. Горький.

Гоголь называл прозу Лермонтова «благоуханной».

Чехов говорил, что он не знает языка лучше, чем у Лермонтова.

В наши дни, строительства коммунизма и борьбы народов за мир, поэзия великого русского поэта Лермонтова воодушевляет народ на трудовые подвиги, воспитывает в советских людях мужество и глубокую любовь к Родине.

## **М. Ю. ЛЕРМОНТОВ**

### **НА КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ**

Вместе с быстрым ростом известности и славы великого русского поэта А. С. Пушкина росла также и тревога царского правительства, напуганного его гневным протестом против существующего строя. «Пушкина надобно сослать в Сибирь,— говорил Александр I,— он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодёжь наизусть их читает».

Только благодаря хлопотам Жуковского, Карамзина и других лиц ссылка поэта в Сибирь была заменена высылкой на южную окраину России.

В мае 1820 года Пушкин прибыл в Екатеринослав (ныне г. Днепропетровск), где вскоре тяжело заболел. В конце мая ему удаётся получить разрешение на поездку на Кавказ и в Крым.

Июнь—июль Пушкин провёл в Пятигорске.

Первая поездка на Кавказ произвела глубокое впечатление на великого поэта. Летом 1820 года он писал брату: «Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видал великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижимыми; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бешту,

Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной».

Когда Пушкин, уже известный всей России поэт, писал эти строки, Михаилу Юрьевичу Лермонтову было около пяти лет. Летом 1820 года пятилетний Лермонтов также находился вместе со своей бабушкой на Кавказских Минеральных Водах.

Чистой случайностью является этот исторический факт — одновременное посещение Кавказа великим русским поэтом Пушкиным и совсем ещё ребёнком Лермонтовым — его будущим гениальным наследником. Однако этот факт для нас знаменательный.

Лермонтов, вслед за Пушкиным, этим «солнцем русской поэзии», явился, по выражению Белинского, новым светилом, оказавшимся «звездой первой величины». И именно Лермонтов, вслед за Пушкиным, стал, в частности, и певцом Кавказа.

Влияние Пушкина на Лермонтова, как поэта, вдохновенно воспевшего Кавказ, несомненно.

Уже после первой поездки на юг Пушкин создал целый ряд стихотворений, посвящённых Кавказу, и свою поэму «Кавказский пленник», имевшую огромный успех у современников и оказавшую большое влияние на русскую литературу. «Грандиозный образ Кавказа с его воинственными жителями в первый раз был воспроизведён русскою поэзиею, — и только в поэме Пушкина в первый раз русское общество познакомилось с Кавказом», — писал В. Г. Белинский.

Поэма «Кавказский пленник», появившаяся в печати в 1822 году, произвела глубокое впечатление на ещё юного, но очень любознательного и впечатлительного Лермонтова.

При чтении поэмы Пушкина перед ним вставала

ли красочные картины величавой природы Кавказа, необыкновенные нравы гордых и свободолюбивых его жителей.

Впоследствии Лермонтов несколько раз бывал на Кавказе, и эти поездки ещё больше укрепили и развили его любовь к величественному краю. Прошло не так много лет со времени первых посещений Кавказа и первого чтения пушкинской поэмы, и Лермонтов подарил русской литературе вдохновенные произведения, посвящённые Кавказу.

«Кавказ взял полную дань с музы нашего поэта,— писал Белинский в статье о Лермонтове.— Странное дело!— Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музыки, поэтической их родиною! Пушкин посвятил Кавказу одну из первых своих поэм — «Кавказский пленник»... Грибоедов создал на Кавказе своё «Горе от ума»: дикая и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзия её сынов вдохновили его оскорблённое человеческое чувство на изображение апатического, ничтожного круга Фамусовых... И вот является новый великий талант—и Кавказ делается его поэтической родиною, пламенно любимую им...»

Конечно, не только величавая природа Кавказа привлекала к нему внимание русских поэтов. На Кавказе, с его бурной и разнообразной жизнью, Лермонтов находил благоприятную почву для выражения своих настроений, своих идеалов в борьбе с реакционной николаевской действительностью. Кавказ, поистине, вдохновлял «оскорблённое человеческое чувство» поэта на борьбу с крепостничеством и произволом, царившим в России в ту мрачную эпоху.

Было бы неправильно, и для этого нет никаких оснований, ограничивать гениальное литературное наследство Лермонтова только кавказской тематикой. Лермонтов великий русский поэт, наследник и продолжатель великого Пушкина, глубоко и всесторонне отразил в своём творчестве русскую действительность его времени. В своих произведениях, посвящённых Кавказу, он ставил самые волнующие вопросы современности. Но вместе с этим необходимо отметить, что Лермонтов стоит на первом месте в русской литературе и как непревзойдённый певец Кавказа.

Кавказ занимает большое место в жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова. Поэт был хорошо с ним знаком. Уже в период первой ссылки на Кавказ он писал С. А. Раевскому, что «изъездил линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьём за плечами; ночевал в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахетинское даже...»

Среди кавказских мест, связанных с жизнью и творчеством Лермонтова, выдающееся место принадлежит городам Кавказских Минеральных Вод — Кисловодску, Железноводску и особенно Пятигорску.

Здесь Лермонтов несколько раз бывал в детские годы, здесь он провёл значительную часть первой и второй ссылки. Здесь же он провёл и последние два месяца своей жизни. С пребыванием на Кавказских Минеральных Водах связаны первые романтические поэмы Лермонтова. Жизнь пятигорского и кисловодского общества того времени занимает значительное место в его романе «Герой нашего времени». В Пятигорске Лермон-

тов создал целый ряд выдающихся лирических стихотворений.

Проследим коротко жизненный и творческий путь поэта в связи с его пребыванием на Кавказских Минеральных Водах.

\* \* \*

Впервые Лермонтов приехал на Кавказ в 1818 году, куда бабушка поэта Е. А. Арсеньева повезла его, по совету врачей, чтобы поправить здоровье внука.

Второй раз, как уже упоминалось выше, Лермонтов был на Кавказе в 1820 году.

Исторических сведений об этих первых посещениях Лермонтовым Кавказа сохранилось крайне мало.

Эти первые поездки на Кавказ, вполне понятно, не могли ещё произвести на Лермонтова серьёзного и глубокого впечатления. Но они наложили, несомненно, какой-то отпечаток в его детском сознании.

Несравненно большее значение в жизни поэта имеет третье посещение им Кавказских Минеральных Вод в 1825 году, когда Лермонтову было около 11 лет.

На этот раз он уже был под впечатлением поэмы любимого поэта — А. С. Пушкина. Здесь он стремился увидеть те таинственные картины кавказской жизни, о которых читал и о которых слышал из рассказов взрослых, побывавших на Кавказе.

После долгой и утомительной дороги Арсеньева с внуком прибыла в Горячеводск (с 1830 г. переименован в г. Пятигорск) и поселилась в усадьбе своей сестры Е. А. Хастатовой, дом ко-



Е. А. Арсеньева и Лермонтов на Кавказе.

торой находился у подножья Горячей горы, на том месте, где в настоящее время размещаются Пушкинские ванны.

Горячеводск в то время был ещё небольшим посёлком. Однако в этом маленьком посёлке бурлила интересная, своеобразная жизнь, так непохожая на спокойную жизнь в родных поэту Тарханах.

С Горячей горы и Машука он с восхищением наблюдал за серебряной цепью Кавказских гор с возвышавшимся над ними двуглавым Эльбрусом.

Впоследствии, будучи уже студентом Московского университета, Лермонтов вспоминал об этих чарующих картинах, глубоко волновавших его чувство: «Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство моё; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю об вас да о небе».

Поэт видел вокруг себя пёструю многонациональную толпу, наблюдал нравы кавказских народов, их праздники и народные игры, в которых выражались мужество, выносливость, ловкость. В окрестностях Горячеводска, в существовавшем в то время Аджи-ауле Лермонтов присутствовал на одном из национальных праздников. Он внимательно наблюдал за обычаями горцев, с упоением слушал песни народных певцов.

Впоследствии, в поэме «Измаил-Бей» он описал эти запомнившиеся ему сцены из жизни горских народов:

Везде веселье, ликованья;,  
Уж скачка кончена давно;

Стрельба затихнула: темно.  
Вокруг огня, певцу внимая,  
Стопилась юность удалая,  
И старики седые в ряд  
С неммым вниманием стоят.  
На сером камне, безоружен,  
Сидит неведомый пришлец.  
Наряд войны ему не нужен;  
Он горд и беден: — он певец!  
Дитя степей, любимец неба,  
Без злата он, но не без хлеба.  
Вот начинается: три струны  
Уж забренчали под рукою,  
И живо, с дикой простотою  
Запел он песню старины.

Народные песни, предания, легенды, слышанные юным Лермонтовым на Кавказе, оказали большое влияние на его поэтическое творчество.

Особенно большой интерес для пытливого подростка представляли рассказы участников военных событий. Приезжавшие на лечение водами раненые рассказывали об эпизодах из боевой жизни, о мужестве русских солдат, о кровавых стычках с горцами, о захвате пленных.

Обстановка в самом Горячеводске живо напоминала о близости военных действий. Вокруг посёлка были расставлены казачьи пикеты, предохранявшие его от внезапных набегов горцев. По ночам была слышна переключка часовых, окрики: «Кто идёт?», а иногда и выстрелы. Этого не мог не слышать Лермонтов, так как один из казачьих пикетов стоял недалеко от усадьбы Хастатовой, на том месте, где в настоящее время находится беседка «Эолова арфа». Это подтверждают и строки из поэмы «Черкесы»:

Лишь только слышно: кто идёт?  
Лишь громко *слушай* раздаётся...

Осенью 1825 года Лермонтов возвращается с Кавказа в село Тарханы. Через два года он переезжает с Арсеньевой в Москву, где через некоторое время поступает в Московский университетский благородный пансион, а в 1830 году переходит в Московский университет.

Уже в своём раннем творчестве Лермонтов выражает резкий протест против мрачной николаевской действительности.

Наряду с такими произведениями, как драмы «Странный человек» и «Люди и страсти», в которых он с большой обличительной силой показывает ужасы крепостничества, Лермонтов создаёт целый ряд произведений, в которых выражает свои романтические настроения, поиски людей, сильных духом, способных выступить на борьбу за свободу, за своё человеческое достоинство.

Среди ранних романтических произведений Лермонтова большое место занимают стихотворения и поэмы, посвящённые Кавказу.

Уже через три года после последней поездки на Кавказ четырнадцатилетний Лермонтов пишет свои первые поэмы, посвящённые Кавказу: «Черкесы» и «Кавказский пленник».

В 1831 году он написал поэмы «Каллы» и «Аул Бастунджи», в 1832 году—самое значительное своё раннее произведение, посвящённое Кавказу,—поэму «Измаил-Бей», в 1834 году—первую появившуюся в печати поэму «Хаджи-Абрек».

Кроме поэм, Кавказу посвящено много ранних стихотворений Лермонтова.

Поэт с восторгом говорит во многих своих произведениях о суровом и величественном Кавказе, который всей своей могучей силой и красотой был

для него символом свободы, вдохновителем на непреклонную борьбу за свободу человека.

Прекрасен ты, суровый край свободы,  
И вы, престолы вечные природы,  
Когда, как дым синяя, облака  
Под вечер к вам летят издалека...  
От ранних лет кипит в моей крови  
Твой жар и бурь твоих порыв мятежный;  
На севере в стране тебе чужой  
Я сердцем твой,— всегда и всюду твой!..

Во многих ранних поэмах Лермонтова читатель наряду с описанием жизни и быта кавказских народов найдёт детальные и красочные описания многих мест на Кавказских Минеральных Водах.

Из поэмы «Аул Бастунджи» читатель узнаёт легенду о Селиме, человеке с непреклонной и свободолюбивой натурой, влюбившемся в прекрасную Зару, выданную замуж за его старшего брата. Зара втайне готова ответить на чувство Селима, однако она не может нарушить старинных обычаев. В порыве отчаяния и злобы Селим убивает Зару и сжигает саклю брата. От загоревшейся сакли вспыхнул огнём весь аул Бастунджи. Действие поэмы происходит в районе Пятигорья:

Между Машуком и Бешту назад  
Тому лет тридцать, был аул, горами  
Закрыт от бурь и вольностью богат.  
Его уж нет...

В ауле том без близких и друзей  
Когда-то жили два родные брата,  
И в Пятигорье не было грозней  
И не было отважней *Ак-булата*.

Вспоминая чудесные картины кавказской природы, пленившие его поэтическое воображение, Лермонтов даёт замечательные описания тех мест, где он наблюдал эти красочные картины:

...На долину  
Туман ложился как прозрачный дым,  
И сквозь него, прорезав половину  
Косматых скал, как буркою густым  
Одетых мраком, дикую картину  
Родной земли и неба красоту  
Обозревал задумчивый Бешту.  
Вдали тянулись розовой стеной,  
Прощаясь с солнцем, горы снеговые;  
Машук, склоняся лысой головой,  
Через струи Подкумка голубые,  
Казалось, думал тяжкою стопой  
Перешагнуть в поместья чужие.

Поэму «Измаил-Бей» поэт начинает волнующим обращением к любимому краю:

Приветствую тебя, Кавказ седой!  
Твоим горам я путник не чужой;

Во всей этой поэме Лермонтов с любовью описывает жизнь и природу Кавказа, с любовью говорит о дорогих ему местах,

Где по кремням Подкумок мчится,  
Где за Машуком день встаёт,  
А за крутым Бешту садится.

\* \* \*

В 1834 году М. Ю. Лермонтов, по окончании школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Петербурге, был определён в лейб-гвардии гусарский полк.

Поэт радовался предчувствию желанной свободы для вдохновенного творческого труда и общественной деятельности. Эта жажда деятельности, борьбы волновала его и на студенческой скамье в Московском университете, и в условиях постоянной утомительной муштры и палочной дисциплины в военной школе.

Окончание военной школы Лермонтов встретил с огромным удовлетворением. «Двух страшных годов как не бывало», — писал поэт.

Но эта радость оказалась непродолжительной. Жизнь за пределами военной школы, жизнь светского общества, в среде которого поэту приходилось проводить значительную часть своего времени, оказалась не менее страшной и ещё ничтожнее, чем угнетающая атмосфера военной николаевской казармы.

Вокруг себя Лермонтов видел мертвящую атмосферу светской жизни; он видел, как в этой атмосфере гибнут лучшие люди, их замыслы, их стремления.

В драме «Маскарад», написанной в 1835 году, он с огромнейшей обличительной силой показывает цинизм, низость и грязь великосветского общества. Драма была запрещена цензурой к постановке на сцене.

Протест против рабского строя, унижающего и калечащего людей, зародившийся ещё в детские и студенческие годы, всё больше и больше усиливается в творчестве Лермонтова.

29 января 1837 года вся передовая Россия была потрясена страшным известием. Великий русский поэт, гордость русского народа А. С. Пушкин умер от тяжёлой раны, полученной на дуэли с Дантесом.

Ни для кого не было тайной, что гибель Пушкина была прямым следствием непрекращавшейся травли поэта со стороны царя и реакционного великосветского общества.

Лермонтова до глубины души поразила смерть любимого поэта. Весь свой гнев, всё своё негодование против придворной аристократии, всё горе русского народа поэт выразил в знаменитом стихотворении «Смерть поэта».

Стихотворение Лермонтова в несколько дней в сотнях списков распространилось по всему Петербургу, а вскоре и за его пределами.

«Навряд ли когда-нибудь ещё в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление», — говорил о влиянии стихотворения Лермонтова на русское общество В. В. Стасов, один из современников поэта.

Вскоре и царю был передан список стихотворения с надписью «Воззвание к революции». Поэт был арестован и после непродолжительного следствия появился «высочайший указ»: перевести корнета Лермонтова тем же чином в Нижегородский драгунский полк, находившийся на Кавказе. Царь высылал поэта на верную гибель: под пули в район боевых действий. В марте 1837 года Лермонтов покидает Петербург, а в начале апреля из Москвы с подорожной «по казённой надобности» выезжает на Кавказ.

По дороге Лермонтов тяжело заболел и из Ставрополя вместо Нижегородского полка, к которому он был прикомандирован, был вынужден выехать в Пятигорск, куда и прибыл в середине мая. В письме к своему другу С. А. Раевскому Лермонтов писал: «Простудившись дорогой, я приехал на воды весь в ревматизмах; меня на

руках вынесли люди из повозки, я не мог ходить...»

На Минеральных Водах, продолжая лечение в Кисловодске и Железноводске, поэт пробыл до сентября. Квартира, в которой он поселился в Пятигорске, находилась на краю города, у подножья Машука, откуда открывался красивый вид на Кавказский хребет и окрестности.

«У меня здесь очень хорошее помещение,— писал Лермонтов,— каждое утро я вижу из своего окна цепь снежных гор и Эльбрус; вот и теперь, когда я пишу это письмо, я время от времени останавливаюсь, чтобы посмотреть на этих великанов: они прекрасны и величественны».

Во время первой ссылки на Кавказ Лермонтову пришлось побывать, кроме Пятигорска, Кисловодска, Железноводска, а также Ставрополя, во многих местах Северного Кавказа и Закавказья.

В Пятигорске Лермонтов встретился со своим старым знакомым по благородному пансиону, Н. М. Сатиным, которому ссылка в Симбирскую губернию была по болезни заменена высылкой на Кавказ. (Кавказ в то время служил для царского правительства местом ссылки политически «неблагонадёжных» людей).

На квартире Сатина в 1837 году произошло первое личное знакомство Лермонтова с великим русским критиком Белинским.

В Ставрополе и Пятигорске Лермонтов встречался с декабристами, сосланными на Кавказ, и особенно сблизился с известным поэтом-декабристом А. И. Одоевским, автором знаменитого ответа на стихотворное послание Пушкина сосланным в Сибирь декабристам.

Впоследствии, в 1839 году, узнав о смерти Одо-

евского, Лермонтов посвятил ему задушевное стихотворение:

Я знал его — мы странствовали с ним  
В горах Востока... и тоску изгнания  
Делили дружно; но к полям родным  
Вернулся я, и время испытанья  
Промчалось законной чередой;  
А он не дождался минуты сладкой:  
Под бедною походною палаткой  
Болезнь его сразила, и с собой  
В могилу он унёс летучий рой  
Ещё незрелых, тёмных вдохновений,  
Обманутых надежд и горьких сожалений...

Но он погиб далёко от друзей...  
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!  
Покрытое землёй чужих полей,  
Пусть тихо спит оно, как дружба наша  
В немом кладбище памяти моей.

Близкий друг Герцена поэт Н. П. Огарёв летом в 1837 году находился на Кавказе; он лично знал Одоевского и встречался с ним в то время. Впоследствии он описал свои впечатления о кавказских встречах и подтверждает верность характеристики Одоевского, сделанной Лермонтовым: «Одоевский был, без сомнения, самый замечательный из декабристов, бывших в то время на Кавказе. Лермонтов описал его с натуры. Да, этот «блеск лазурных глаз, и детский звонкий смех и речь живую» не забудет никто из знавших его».

Пребывание Лермонтова на Кавказе в 1837 году имеет огромное значение для его творчества. Под непосредственным и сильным впечатлением Кавказа, кавказской природы, современной поэту общественной жизни на Кавказе Лермонтовым

созданы такие выдающиеся произведения русской литературы, как поэмы «Мцыри», «Демон» и роман «Герой нашего времени».

Над поэмой «Демон» Лермонтов работал более десяти лет. Несколько раз менялись замысел поэмы и место действия её героев. После поездок по Кавказу и, в частности, по Военно-грузинской дороге с её чарующей природой, а также после глубокого знакомства с устным творчеством народов Кавказа Лермонтов, наконец, нашёл обстановку, которая наиболее способствовала раскрытию его замысла. Местом действия поэмы он избрал Кавказ.

Поэма «Демон» вошла в русскую литературу как одно из самых выдающихся её произведений. «Демон», — писал Белинский, — сделался фактом моей жизни, я твержу его другим, твержу себе, в нём для меня — миры истин, чувств, красот.

Под непосредственным воздействием Кавказа и, в частности, наблюдений за жизнью общества на Кавказских Минеральных Водах, создан роман «Герой нашего времени».

Ещё в Петербурге, до ссылки, Лермонтов работает над романом «Княгиня Лиговская», в котором впервые перед читателем встаёт образ Печорина.

Однако роман остался незаконченным. Лермонтов сознательно приостановил работу над этим произведением. Всё более глубокое и всестороннее изучение современной ему русской действительности убеждало его, что для раскрытия образа Печорина — молодого человека 30-х годов XIX столетия — Печорина надо сталкивать не с Красинским — бедным чиновником. Необходим более острый общественный конфликт. Но где то обще-



М. Ю. Лермонтов и А. И. Одоевский на Кавказе.

ство, та среда, в которой наиболее полно, наиболее реалистически проявился бы характер его героя?

Лермонтов жадно искал в окружающей его действительности эту среду и соответствующую обстановку.

Находясь в ссылке и внимательно изучая окружающую его жизнь, Лермонтов увидел, что обсто-

ательства жизни русского общества на Кавказе наиболее соответствуют для раскрытия образа Печорина,— этого портрета, «составленного из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии» и для раскрытия через этот образ всей мрачности и ничтожности реакционной николаевской эпохи.

Наблюдения во время ссылки за жизнью общества на Кавказе помогли Лермонтову глубже понять и уловить то, чего он не успел ещё осознать в Петербурге и что послужило причиной прекращения работы над «Княгиней Лиговской».

Результатом этих всесторонних наблюдений Лермонтова и явился его роман «Герой нашего времени» — выдающееся произведение русской литературы, рисующее трагедию лучших людей 30-х годов.

«Вот книга,— писал Белинский,— которой суждено никогда не стареться, потому что при самом рождении её она была вспрыснута живою водою поэзии!»

В романе «Герой нашего времени» большое место занимает изображение жизни на Кавказских Минеральных Водах. Действие повести «Княжна Мери», составляющей часть романа, целиком протекает в Пятигорске и Кисловодске.

Многие из лиц, с которыми Лермонтову приходилось встречаться в Пятигорске и Ставрополе, послужили прототипами для его повести «Княжна Мери».

«Те, которые были в 1837 году в Пятигорске,— писал Сатин,— вероятно, давно узнали и княжну Мери и Грушницкого, и в особенности милого, умного и оригинального доктора Майера».



Здание бывшей гостиницы Найтаки в Ставрополе.

Доктор Николай Васильевич Майер служил летом 1837 года в Пятигорске. Он был близко связан с декабристами, сосланными на Кавказ, и пользовался их глубоким уважением. Это был человек огромной начитанности, живой и остроумный. Своим умом, свободомыслием, своей душевной теплотой Майер привлекал к себе симпатии лучших людей, находившихся в Пятигорске.

В кругу этих людей Лермонтов и познакомился с доктором Майером, который впоследствии послужил ему прототипом для образа Вернера. Декабрист Н. И. Лорер вспоминал, что Майер «был очень дружен с Лермонтовым, и тот целиком описал его в своём романе «Герой нашего времени» под именем Вернера — и так верно, что кто знал Майера, тот сейчас и узнавал».

Лермонтов с изумительной точностью и художественным мастерством описывает жизнь на Кавказских Минеральных Водах, общество, природу. Об этом мастерстве Лермонтова писал Белинский: «...В «Герое нашего времени» вы видите повседневную жизнь обитателей Кавказа, видите её в повести и драме нашего времени, олицетворённую в типических характерах, которые с таким творческим искусством изображает художественная кисть г. Лермонтова. Тут не одни черкесы: тут и русские войска, и посетители вод, без которых неполна физиономия Кавказа. Бывшие там удивляются непостижимой верности, с какой обрисованы у г. Лермонтова даже малейшие подробности».

Каждый прочитавший роман «Герой нашего времени» и побывавший в Пятигорске и Кисловодске сможет сам убедиться в верности изображения Лермонтовым мельчайших деталей окружающей природы. Перед читателем реально встанут те величественные картины, которые наблюдал великий поэт.

Вот как описывает Лермонтов Пятигорск в «журнале Печорина»:

«Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука: во время грозы облака будут спускаться до моей кровли. Нынче в пять часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике. Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками. Вид с трёх сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бешту синее, как «последняя туча рассеянной бури»; на

север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона...»

А вот что представляло собой пятигорское «водяное общество» по реалистическому описанию его в повести «Княжна Мери».

«Спустясь в середину города, я пошёл бульваром, где встретил несколько печальных групп, медленно поднимающихся в гору; то были большей частью семейства степных помещиков: об этом можно было тотчас догадаться по истёртым старомодным сертукам мужей и по изысканным нарядам жён и дочерей: видно, у них вся *водяная* молодёжь была уже на пересчёте, потому что они на меня посмотрели с нежным любопытством: петербургский покррой сертука ввёл их в заблуждение, но, скоро узнав армейские эполеты, они с негодованием отвернулись.

Жёны местных властей, так сказать хозяйки вод, были благосклоннее; у них есть лорнеты, они менее обращают внимания на мундир, они привыкли на Кавказе встречать под нумерованной пуговицей пылкое сердце и под белой фуражкой образованный ум. Эти дамы очень милы, и долго милы! Всякий год их обожатели сменяются новыми, и в этом-то, может быть, секрет их неутомимой любезности. Подымаясь по узкой тропинке к Елисаветинскому Источнику, я обогнал толпу мужчин штатских и военных, которые, как я узнал после, составляют особенный класс людей между чающими движения воды. Они пьют — однако не воду, гуляют мало, волочатся только мимоходом: они играют и жалуются на скуку. Они франты: опуская свой оплетённый стакан в колодезь кислосерной воды, они принимают ака-

демические позы; штатские носят светлоголубые галстуки, военные выпускают из-за воротника брыжи. Они исповедывают глубокое презрение к провинциальным домам и вздыхают о столичных аристократических гостиных, куда их не пускают».

Перечитывая здесь, в местах, тесно связанных с именем поэта, роман «Герой нашего времени», советские люди особо ощущают великую заслугу Лермонтова перед русским народом, они с благодарностью вспоминают о великом патриоте нашей Родины, который в мрачные годы николаевской реакции поднял гневный голос протеста против ужасной действительности, обнажил пороки современного ему поколения.

По окончании курса лечения в Пятигорске Лермонтов, по установившейся в те времена традиции, выехал для продолжения лечения в Железноводск, а затем в Кисловодск.

В сентябре 1837 года Лермонтов закончил курс лечения на водах и должен был явиться в Нижегородский драгунский полк, располагавшийся в Грузии. Однако эскадрон, к которому был причислен Лермонтов, находился в это время в Анапе, на берегу Чёрного моря. В сентябре поэт выехал к месту назначения. Но уже ко времени его прибытия в Тамань эскадрон был переведён в другое место. Поэтому из Тамани Лермонтов едет в обратный путь, направляясь в действующий отряд, находившийся в Ольгинском укреплении, а оттуда, по предписанию командования, едет через Ставрополь, по Военно-грузинской дороге в Тифлис, направляясь к месту стоянки Нижегородского полка.

Поэту не пришлось принять участие в боевых

действиях, так как экспедиции ко времени прибытия Лермонтова в действующий отряд были приостановлены.

«Я приехал в отряд слишком поздно,— писал он С. А. Раевскому,— и слышал только два-три выстрела».

В Закавказье Лермонтов провёл около двух месяцев, побывав при этом в Шуше, Кубе, Шемахе и других местах.

В октябре, благодаря неустанным хлопотам Е. А. Арсеньевой через влиятельных лиц, Лермонтов был переведён в Гродненский гусарский полк, стоявший в то время в Новгороде, а в апреле 1838 года—в Петербург, в лейб-гвардии гусарский полк.

Лермонтов в это время был уже признанным выдающимся русским поэтом. Появившиеся в 1837 году в печати «Бородино», а в 1838 году «Песня про купца Калашникова» умножили его славу как великого народного поэта России.

Поэт принимает самое активное участие в литературной и общественной жизни. В каждом номере журнала «Отечественные записки» появляются его произведения.

За два года пребывания в Петербурге после первой ссылки Лермонтовым созданы такие замечательные произведения, как стихотворения: «Дума», «Поэт», «Три пальмы», «Не верь себе», «Дары Терека», «Памяти А. И. Одоевского», «Как часто, пёстрою толпою окружён», «Казачья колыбельная песня», «И скушно и грустно» и многие другие, а также закончены поэмы «Мцыри», «Демон» и роман «Герой нашего времени».

А в это время уже готовилась новая расправа над «непокорным» поэтом. Царь враждебно

встретил появление романа «Герой нашего времени», в котором он усмотрел книгу «отвратительную», свидетельствующую об «испорченности» её автора.

В 1840 году по приказу Николая I Лермонтов был снова сослан на Кавказ, в Тенгинский пехотный полк, в район ожесточённых боевых действий.

В день отъезда из Петербурга Лермонтов в стихотворении «Тучи» поэтически определил своё положение как изгнанник:

Тучки небесные, вечные странники!  
Степью лазурною, цепью жемчужною  
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники  
С милого севера в сторону южную.

10 июня 1840 года Лермонтов приехал в Ставрополь, где находился штаб командующего Кавказской линией, и оттуда был направлен в отряд генерала Галафеева, действовавший в Чечне.

На этот раз поэту пришлось принимать самое активное участие в боевых действиях. Он участвовал в ожесточённых сражениях. Одно из самых кровопролитных сражений на реке Валерик он описал в стихотворении «Валерик».

Некоторое время Лермонтов командовал отрядом «охотников», то есть передовым боевым отрядом. Солдаты искренне полюбили своего храброго командира, который делил с ними все тяготы фронтовой жизни, спал вместе с ними у костра, питался из одного котла.

За проявленный в боях героизм Лермонтов дважды представлялся к наградам. Однако в Петербурге каждый раз вычёркивали его имя из наградных списков. Делалось это для того, чтобы

лишить поэта возможности заслужить в боях право на отставку от военной службы.

В один из периодов этой военной жизни Лермонтов заболел и получил разрешение лечиться на водах. Весь август он провёл в Пятигорске и Кисловодске.

В Пятигорске он встретился со своими старыми петербургскими знакомыми, лечившимися на Водах, и ссыльными декабристами.

С декабристами Лермонтова связывала большая дружба, вызванная общностью интересов. Однако надо отметить, что по своим политическим убеждениям поэт в это время стоял значительно выше большинства из них.

В сентябре Лермонтов возвратился в отряд. «Я теперь вылечился почти совсем и еду с вод опять в Чечню», — писал он 12 сентября.

Поэт самоотверженно сражался в рядах армии, а в голове его созревали планы новых произведений. Он мечтал создать собственный журнал и всецело отдаться любимому литературному творчеству.

«Мы в своём журнале, — говорил он, — не будем предлагать обществу ничего переводного, а своё собственное. Я берусь к каждой книжке доставлять что-либо оригинальное...»

Но чтобы осуществить свои планы, необходимо было уйти в отставку. Мысль об этом глубоко волновала поэта. В письмах к родным и друзьям он постоянно высказывает своё намерение уйти в отставку.

В январе 1841 года Лермонтову с большим трудом удалось выхлопотать краткосрочный отпуск. Он поехал в Петербург с надеждой, что на-

конец-то ему удастся получить желаемую отставку и всецело посвятить свою жизнь литературе.

Мечтам поэта не суждено было осуществиться.

Вместо отставки он получил приказание в 48 часов оставить Петербург и отправиться к месту ссылки.

Покидая Россию, поэт прощался с её народом, свою безграничную любовь к которому он выразил в одном из лучших стихотворений «Родина», написанном в этот период.

Но глубоко ненавистна и чужда поэту была другая Россия — Россия Николая I.

Прощаясь с родиной, Лермонтов, уезжая на Кавказ, надеялся, что, может быть, за хребтом Кавказа укроется от ненавистных ему царских вельмож:

От их всевидящего глаза,  
От их всеслышащих ушей.

Но и здесь, вдали от царских палат, поэту не удалось скрыться от преследования.

На Кавказ Лермонтов ехал вместе со своим родственником Алексеем Аркадьевичем Столыпиным. 9 мая 1841 года он прибыл в Ставрополь и в тот же день писал Арсеньевой:

«Милая бабушка, я сейчас приехал только в Ставрополь и пишу к вам; ехал я с Алексеем Аркадьевичем, и ужасно долго ехал; дорога была прескверная. Теперь не знаю сам ещё, куда поеду; кажется, прежде отправлюсь в крепость Шуру, где полк, а оттуда постараюсь на воды... Я всё надеюсь, милая бабушка, что мне всё-таки выйдет прощенье, и я могу выйти в отставку».

По дороге в Темир-Хан-Шуру Лермонтов вместе со Столыпиным остановился в Георгиев-

ске, в 40 верстах от Пятигорска. Вспыхнувшее горячее желание посетить любимый Пятигорск, встретиться со старыми друзьями заставило поэта изменить направление, предписанное начальством, и навестить любимое место. Столыпин долго не соглашался, но Лермонтов настоял на своём.

Из приведённого выше письма Лермонтова к Арсеньевой видно, что он имел намерение по прибытии в отряд вытребовать разрешение поехать на воды для того, несомненно, чтобы поправить своё здоровье.

Теперь же, по прибытии в Пятигорск, поэт решил одновременно воспользоваться и возможностью лечиться минеральными водами.

Лермонтов представил военному коменданту города медицинское свидетельство о болезни и получил разрешение коменданта остаться в Пятигорске. Подобное же разрешение получил и Столыпин. Вместе они наняли флигель в усадьбе В. И. Чиляева на окраине города. Половину флигеля занял Столыпин, а вторую половину, обращённую окнами в сад,— Лермонтов. Здесь поэт провёл последние месяцы своей жизни.

Среди отдохавших в Пятигорске Лермонтов встретил и своих знакомых. Рядом с ним, в соседних домах, жили корнет М. П. Глебов, князь С. В. Трубецкой (сосланный царём в кавказскую армию), князь А. И. Васильчиков (находившийся на Кавказе по делам службы). Рядом жил и знакомый поэту по юнкерской школе Н. Мартынов, к этому времени майор в отставке.

Встретился здесь Лермонтов и с родным братом Пушкина, Львом Сергеевичем.

Иногда все они собирались в квартире Лер-

монтова или же посещали находившийся по соседству дом генерала Верзилина, где вечерами устраивались танцы.

Однако большую часть времени поэт посвящает поэтическому творчеству. «Во время моего путешествия мной овладел демон поэзии или стихов. Я заполнил половину книжки, которую мне подарил Одоевский, что, вероятно, принесло мне счастье»,— писал он из Ставрополя.

Ещё при отъезде из Петербурга друг Лермонтова В. Ф. Одоевский подарил ему записную книжку с надписью «Поэту Лермонтову даётся сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне её сам, и всю исписанную».

В эту книгу поэт и вписывал свои вдохновенные произведения. В последние месяцы своей жизни Лермонтовым были написаны такие замечательные стихотворения, как «Сон», «Тамара», «Свидание», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой», «Выхожу один я на дорогу», «Морская царевна», «Пророк».

В часы отдыха Лермонтов любил уединённые прогулки. Повидимому во время одной из таких прогулок зародился замысел стихотворения «Выхожу один я на дорогу».

Особенно увлекала поэта верховая езда. Несомненно, свои собственные впечатления вложил он в уста Печорина о прелести верховой прогулки: «...я люблю скакать на горячей лошади по высокой траве, против пустынного ветра... Какая бы горечь ни лежала на сердце, какое бы беспокойство ни томило мысль, всё в минуту рассеется; на душе станет легко, усталость тела победит тревогу ума».

Беспокойство и тревога усиливались в душе

поэта. Это были глубокие раздумья о родине и о своей личной судьбе.

Лермонтов встретил в Пятигорске много старых друзей. Но больше было здесь врагов, которые и в Пятигорске не прекращали травить и преследовать поэта. В атмосфере этой вражды жил он напряжённой духовной жизнью. Его чувства и размышления отразились в последних стихотворениях.

Поэта-патриота, горячо любившего свой народ и отдавшего на служение ему весь свой могучий талант, глубоко волнует окружающая его тяжёлая действительность. Понятен тот мучительный вопрос, который задаёт себе поэт при виде величественной звёздной ночи:

Что же мне так больно и так трудно?  
Жду ль чего? Жалею ли о чём?

И как бы частичным ответом на этот вопрос является последнее стихотворение, написанное в Пятигорске, «Пророк». В нём Лермонтов как бы подводит итог своей жизни и показывает, что ждёт поэта, поднявшего в эпоху реакции голос против лжи и несправедливости существующего строя:

Провозглашать я стал любви  
И правды чистые ученья:  
В меня все близкие мои  
Бросали бешено камня.

Через несколько дней после прибытия Лермонтова в Пятигорск из Ставрополя было получено строгое предписание начальника штаба войск Кавказской линии полковника Траскина. Этот

личный поверенный и преданный слуга военного министра зорко следил за поэтом. Траскин в своём предписании отметил, что болезнь Лермонтова «может быть излечена другими средствами», и приказал отправить его «по назначению».

С большим трудом Лермонтову удалось выхлопотать разрешение остаться в Пятигорске.

Через Траскина и присланного сюда Бенкендорфом для тайного надзора подполковника Кувшинникова из Петербурга следили за каждым шагом поэта.

Всё это развязывало руки светским врагам Лермонтова, группировавшимся здесь в основном около генеральши Мерлини.

Вокруг поэта плелись всяческие интриги, с тем чтобы посеять вражду между ним и окружавшими его людьми.

Против Лермонтова усиленно натравливали молодого офицера Лисаневича. Ему предлагали вызвать Лермонтова на дуэль, «проучить» Лермонтова за шутки, якобы оскорблявшие его офицерскую честь. Однако Лисаневич чистосердечно признался, что шутки поэта носят дружественный характер и что Лермонтов всегда первый извинялся, если видел, что кого-нибудь в своих шутках обидел несправедливо, прилагал все силы, чтобы помириться. Лисаневич ответил подстрекавшим его врагам поэта: «Что вы, чтобы у меня поднялась рука на такого человека!»

На великого поэта поднялась рука у Мартынова. Это была ограниченная, самолюбивая личность. Мартынов был представителем того типа людей, которых Лермонтов осмеял в образе Грушницкого в романе «Герой нашего времени». Мартынова усиленно старались настроить против

Лермонтова, искали малейший повод, чтобы подогреть в нём злобу и ненависть к поэту. И Мартынов поддался на эти провокации. Безобидная шутка Лермонтова в его адрес на вечере в доме Верзилиных была для Мартынова достаточным поводом, чтобы поднять руку на великого человека.

О предстоящей дуэли в Пятигорске знали многие, в том числе и власти. Тем не менее ничего не было сделано для её предотвращения. Наоборот, всё делалось так, чтобы дуэль состоялась.

Столкновение между Лермонтовым и Мартыновым в доме Верзилиных произошло 25 июля. На другой день Лермонтов выехал в Железноводск, где принимал ванны.

27 июля прямо из Железноводска поэт направился к месту дуэли к подножью Машука. И условия дуэли — стреляться до 3 раз при барьере в 15 шагов, и то, что Лермонтов ещё на дуэли отказался от своего выстрела — всё это ещё раз подтверждает тот факт, что дуэль носила характер продуманного убийства.

К вечеру 27 июля великого поэта России не стало. Лермонтов был убит. На месте дуэли не было ни врача, ни повозки. Тело поэта в течение нескольких часов пролежало под проливным грозным дождём, разразившимся сразу же после дуэли. Только поздно вечером тело Лермонтова было перевезено в его квартиру.

На другой день, при огромном стечении народа, гроб с телом поэта был вынесен на плечах его друзей и похоронен на Пятигорском кладбище.

Власти были напуганы гибелью Лермонтова. Они боялись народных манифестаций. Следствие

о дуэли, по распоряжению из Петербурга, было поручено прибывшему в Пятигорск Траскину, до этого принимавшему личное участие в интригах, погубивших поэта.

В своих воспоминаниях декабрист Лорер пишет: «Я заметил, что прежде в Пятигорске не было ни одного жандармского офицера, но тут, бог знает откуда, их появилось множество, и на каждой лавочке отдыхало, кажется, по одному голубому мундиру».

Царь простил убийцу. Он отменил даже незначительное наказание, определённое судом, и «по высочайшему указанию» Мартынова «присудили» к церковному покаянию.

Этим самым царское правительство ещё раз продемонстрировало свою ненависть к великому русскому поэту.

Передовое русское общество с великой скорбью встретило весть о трагической гибели Лермонтова.

Белинский с болью и негодованием писал поэту Н. Х. Кетчеру: «Лермонтов убит наповал — на дуэли. Оно и хорошо, — с горьким сарказмом продолжал Белинский, намекая на причины гибели поэта, — был человек беспокойный...»

«Мы лишились в Лермонтове поэта, который по содержанию шагнул бы дальше Пушкина», — писал Белинский в письме к В. П. Боткину.

Современник Лермонтова Ю. В. Самарин писал И. С. Гагарину:

«Я вам пишу, дорогой друг, под горьким впечатлением известия, которое я только что получил. Лермонтов убит на дуэли, на Кавказе, Мартыновым. Подробности тяжелы... Эта смерть вслед за гибелью Пушкина, Грибоедова и многих

других наводит на самые грустные размышления».

В апреле 1842 года, по ходатайству Е. А. Арсеньевой, тело Лермонтова было перевезено с Пятигорского кладбища в село Тарханы и похоронено в семейной часовне, рядом с могилой его матери.

Лермонтов был убит, когда ему не исполнилось ещё и 27 лет. Не достигнув своего полного расцвета, он, тем не менее, создал гениальные произведения, вошедшие драгоценным вкладом в сокровищницу русской литературы.

Произведения Лермонтова изданы на 58 языках народов СССР, в том числе на языках народов Кавказа, горячо любящих великого русского поэта.

Лермонтов дорог народам Кавказа особенно ещё и тем, что он не только с любовью воспел чудесный край, но в своих произведениях утверждал великую идею дружбы народов.

Гениальный русский поэт видел залог процветания кавказских народов в их дружбе с великим русским народом.

\* \* \*

В наши дни Кавказ стал неузнаваем. За годы советской власти достигнут небывалый расцвет экономики и культуры народов, населяющих этот благодатный край.

На месте глухих аулов и станиц широко раскинулись богатые колхозные селения и социалистические города с высоко развитой промышленностью.

Вместе со всем Кавказом небывалого расцвета достигли и Кавказские Минеральные Воды.

Благодаря заботе партии и правительства прославленные курорты—Кисловодск, Пятигорск, Ессентуки, Железноводск превратились в первоклассные курорты всесоюзного значения.

Посещая города Кавказских Минеральных Вод, сотни тысяч советских людей из самых различных уголков страны с благоговением знакомятся с местами, связанными с жизнью и творчеством Лермонтова. Каждый считает своим долгом посетить лермонтовские места и почтить память великого поэта. В этом выражается всенародная любовь к Михаилу Юрьевичу Лермонтову — великому поэту, борцу, патриоту.

## ЛЕРМОНТОВСКИЕ МЕСТА НА КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ

### ПЯТИГОРСК

Приезжающие в Пятигорск со всех концов Советского Союза больные и отдыхающие при виде большого благоустроенного города с асфальтированными тротуарами и мостовыми, утопающего в цветах и зелени древесных насаждений, а по вечерам залитого электрическим светом, едва ли могут представить себе, каким был этот первоклассный город-курорт немногим более ста лет тому назад, во время пребывания в нём М. Ю. Лермонтова.

Пятигорск того времени занимал очень ограниченную площадь. О тротуарах и мостовых, о сколько-нибудь сносном освещении тогда говорить не приходилось, не было, конечно, и признаков канализации, а воду для питья возили из мутного Подкумка. Древесных насаждений на улицах тоже не было, за исключением деревьев на бульварах.

Однако летом неудобства не особенно бросались в глаза, и «чистенький, новенький городок», как называет его в своей первой дневниковой записи герой романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» Печорин, и тогда производил не-

плохое впечатление. Недаром Пятигорск так полюбился великому поэту.

Вот как описывает Пятигорск академик В. Броневский, побывавший в нём незадолго до посещения города Лермонтовым. Начинает своё описание В. Броневский с прибытием по дороге из Георгиевска к зданию Пятигорской ресторации.\*

«Пока слуга,— пишет Броневский,— отыскивает комнату для ночлега, приезжий имеет время осмотреться. Последуем за ним.

Экипаж его стоит подле бульвара при начале главной улицы,\*\* идущей вдоль ущелья, между двух отраслей Машука, близко одна к другой подходящих. Перед ним гостиница, прекрасное двухэтажное каменное здание, с фасада украшенное большою парадною лестницей, на коей шесть ионических колонн поддерживают красивый фронтон. В одну линию с гостиницей, представляется ряд домов приятной наружности; и ещё виднеются несколько колонн и двухэтажных зданий.\*\*\* За сею линиею к северу, по скату горы, расположен небольшой городок, состоящий из одной улицы, идущей в гору, и трёх поперечных.\*\*\*\* Все домики правильной архитектуры, построены из тонких брусьев, снаружи оштукатуренных и бело набело выбеленных; большая из них часть

---

\* Ныне проспект имени Кирова, 30. Здание ресторации, разрушенное фашистскими оккупантами, ныне восстановлено, но с большими отступлениями от прежнего плана.

\*\* Ныне проспект имени Кирова.

\*\*\* Бывшие дома Арешева, ныне проспект имени Кирова, 28.

\*\*\*\* Улица, идущая в гору, ныне ул. Карла Маркса; три поперечных — ныне Красноармейская, Анисимова и Буачидзе.

крыты железом или тёсом, зелёною краскою выкрашенных, немногие крыты камышём».

У Броневского же мы находим описание и внутреннего вида пятигорских «обывательских» домов.

«Как все здешние дома,— пишет он,— построены для приезжих, то внутреннее расположение оных удобно. Комнаты содержатся довольно опрятно, снаружи оштукатурены, внутри оклеены обёрточною бумагою, разными колерами раскрашенной. Мебель, правду сказать, не очень благовидна и состоит из простых деревянных скамей, столов и разнокалиберных стульев; есть и картинки лубочной печати... Есть и бракованные Московских фабрик зеркала, в которых и самое прелестное личико покажется безобразно готическим.

Впрочем, хотя в окна дует и двери не притворяются, но всё нужное есть,— и сараи для экипажей, и кухни, и погреба, и чуланы. Кроме казённых зданий, во всём городе считается 76 домов и флигелей, в коих 436 комнат отдаётся в наймы».

Самым большим вопросом в то время была дороговизна сдаваемых помещений. За сколько-нибудь приличную квартиру приходилось, по словам Броневского, платить от 400 до 600 рублей за время с 1 мая по 1 октября. Но даже и при такой оплате найти квартиру в разгар сезона было нелегко.

«...Приезжий, — пишет Броневский, — не выходя из экипажа, часто ночью и под проливным дождём, должен искать квартиру по домам и не иначе как на весь курс. Никто на двор не пустит, если не заплатишь всех денег вперёд. В

такой торопливости нанимают квартиру, какая попадётся: тут торгу нет и хозяин берёт, что ему рассудится».

Известно, что нанимая у Чилиева в 1841 году квартиру (ныне «Домик Лермонтова»), Лермонтов и Столыпин внесли хозяину всю сумму квартирной платы полностью.

Приведённые Броневским и другими авторами сведения о Пятигорске и его жизненных условиях создают вполне достаточное представление. Если самый городок по своему внешнему виду и открывающейся из него прелестной панораме серебряной цепи гор и производил приятное впечатление, то условия жизни были очень плохо приспособлены к нуждам посетителей Кавказских Минеральных Вод.

### Пятигорский бульвар

Наиболее излюбленным местом прогулок во времена Лермонтова был в Пятигорске бульвар, устроенный в 1827—28 годах.\* Об особенной популярности бульвара в то время свидетельствуют прежде всего неоднократные упоминания о нём в дневнике Печорина.

11 мая, на следующий день по прибытии в Пятигорск, Печорин записывает:

«Спустясь в средину города, я пошёл бульваром, где встретил несколько печальных групп, медленно поднимающихся в гору...»

К этому же дню, только несколько позднее, относится и вторая запись, связанная с бульваром:

---

\* Ныне проспект имени Кирова от ул. Анджиевского до подъёма к Академической галерее.

«Молча с Грушницким спустились мы с горы и прошли по бульвару, мимо окон дома, где скрылась наша красавица...»

«После обеда,— записывает он через день,— я пошёл на бульвар: там была толпа...»

Дальше Печорин рассказывает, как своими неистощимыми анекдотами и насмешками над проходящими ему удалось переманить в свой кружок всех лиц, составлявших сначала свиту княжны Мери и её матери.

16 мая Печорин вновь отмечает в своём дневнике:

«Поздно вечером, то есть часов в одиннадцать, я пошёл гулять по липовой аллее бульвара...»

Упоминавшийся уже академик В. Броневский с своей стороны рассказывает о большом оживлении, почти всегда царившем на бульваре.

«Не верится глазам,— пишет он,— чтобы в такой глуши можно было найти и бульвар, липами обсаженный, гладко укатанный и чисто песком усыпанный, и на нём почти такое многолюдство как на Невском проспекте — почти такую же пестроту и щегольство, с тою только разностью, что тут подле бульвара журчит по камешкам ручей минеральной воды, запах которого, хотя не услаждает обоняние, но обещает то, для чего столько беспокойств претерпели в дороге...»

«После обеда,— продолжает несколько далее Броневский,— мне стоило подвинуть своё кресло к окну, и полный Венецианский карнавал представлялся глазам моим. Столичные и провинциальные одежды представляли здесь смесь, истинно маскарадную: кто во фраке и в черкес-

ской шапке, кто, завернувшись в широкий плащ, шёл посреди собрания в колпаке, кто в бурке и под вуалью, кто в нанковом сюртуке и в шитом золотом картузе; слуги и служанки, столь же разнообразно одетые, несут в купальни узлы, ковры, подушки и тюфяки. От пяти часов и до позднего вечера, бульвар, пред окнами моими проходящий, кипит многолюдством, пестреет от разноцветных одежд, полковая музыка гремит, и я, сидя у окна и ничего не делая, бывал очень занят, иногда уставал, но не скучал...»

С Пятигорским бульваром связано относящееся к 1841 году воспоминание о поэте, переданное его товарищем по юнкерской школе Гвоздём.

Вот что пишет в своих воспоминаниях, со слов Гвоздёва, другой его товарищ по школе Меринский:

«Покойный П. А. Гвоздём, товарищ по юнкерской школе, бывший в то время на кавказских водах, рассказывал мне о последних днях Лермонтова. 8 июля он встретился с ним довольно поздно на Пятигорском бульваре. Ночь была тихая и тёплая. Они пошли ходить. Лермонтов был в странном расположении духа: то грустен, то вдруг становился он жёлчным и с сарказмом отзывался о жизни и обо всём его окружавшем... Через неделю после того он дрался на дуэли, близ пятигорского кладбища у подошвы горы Машук».

В наши дни Пятигорский бульвар занимает средину главной улицы Пятигорска (проспект имени Кирова), но его длина значительно увеличилась; он асфальтирован, содержится в безукоризненном порядке. Но так украшавших его столетних лип, к сожалению, не сохранилось.

## Кислосерный Елисаветинский источник

На том месте, где сейчас стоит красивое здание Академической галереи, построенное в 1847—49 гг., в лермонтовское время была небольшая продолговатая площадка с кислосерным Елисаветинским источником, скромным ванным домиком и временного типа галереей, пользовавшаяся тогда исключительной популярностью среди «водяного общества». В повести Лермонтова «Княжна Мери» это место упоминается несколько раз, там происходит ряд встреч действующих лиц.

Популярность Елисаветинского источника объясняется целебной силой, приписываемой в то время кислосерной воде при самых разнообразных заболеваниях, и наиболее благоустроенной местностью с великолепными видами.

Представление о площадке и источнике даёт небольшая очень удачная картина М. Ю. Лермонтова, обнаруженная незадолго до Великой Отечественной войны в одном из антикварных магазинов г. Вильнюса. Хорошо исполненную копию с неё можно видеть в комнате историко-литературного отделения музея, посвящённой первой ссылке поэта.

Интересные сведения о посетителях питьевых источников того времени даёт изданная в 1844 году очень редкая (вскоре после выхода она была изъята) книга Хамар-Дабанова (псевдоним Лачиновой) «Проделки на Кавказе».

«Какое жалкое зрелище,—пишет Лачинова,—представляет это гулянье, которого однообразие прерывается только тем, что гуляющие каждую четверть часа подходят к ключу пить из целебной струи.

Инвалид из среди множества разнообразных стаканов, которые висят на длинных тесёмках, снимает с крючка тот, который вам принадлежит, погружает его в горячий источник, выполаскивает и подаёт вам. Вы морщитесь и пьёте тепловатую зловонную воду, которая на несколько секунд оставляет во рту вкус тухлых яиц. Таким образом вы проглотите стакана три и потом идёте ходить или садитесь в какой-нибудь беседке рассматривать лица больных, проходящих мимо вас. Между тем инвалид систематически вешает ваш стакан на своё место, наблюдая всегда пунктуальное старшинство: вы можете быть уверены, что стакан подполковника не будет висеть выше стакана полковника и так далее.

«А что за лица, — продолжает Лачинова, — ежеминутно встречаете вы в саду. Здесь разбитый параличом едва передвигает ноги; тут хромотает раненый, там идёт золотушный, далее страдает в язвах; этот гемороидалист; рядом с ним страдающий от последствий разврата: словом, средоточие всех омерзительных недугов человеческого рода. И кого не найдёте здесь? И военных всех мундиров, и разжалованных, и статских, и монахов, и купцов, и мещан, и столичных модниц, и толстых купчих, и чванных чиновниц, и уморительных оригиналов: не забудьте, что всё это натошак и спросонья. Несмотря, однако, на господство самых отвратительных страданий, волокитство и чванство не покидаются. Жалко смотреть, как иная бывшая красавица, увядающая от болезней и годов, ищет пленить кого-нибудь своими потухающими взорами, которые выглядывают из-за бледножёлтых щёк. Забавно видеть, как иной генерал и тут не оставляет сво-

ей важности. Громко судит и рядит и счастлив, что его стакан висит выше других. Как самонадеянно останавливает он гуляющих обер-офицеров, готовый при малейшем неудовольствии напомнить свой превосходительный чин; как принуждает их выслушивать самые пошлые рассказы, самые бессмысленные предположения. Всякий из этих господ корчит Наполеона; многие корчили бы и Фридриха великого, но не знают об его существовании. А толков то, толков...»

В наши дни эта, связанная с памятью Лермонтова, площадка перед Академической галерей является излюбленным местом для прогулок больных и отдыхающих. Но кислосерный источник, утративший своё прежнее значение, отведён сейчас в ниже расположенный бювет.

### **Емануелевский парк**

В Лермонтовское время украшением молодого Пятигорска являлся Емануелевский парк. Он описан поэтом в «Княжне Мери». Лермонтов говорит о «виноградных аллеях», покрывающих скат Машука, о «крутой скале, где построен павильон, называемый Эоловой арфой».

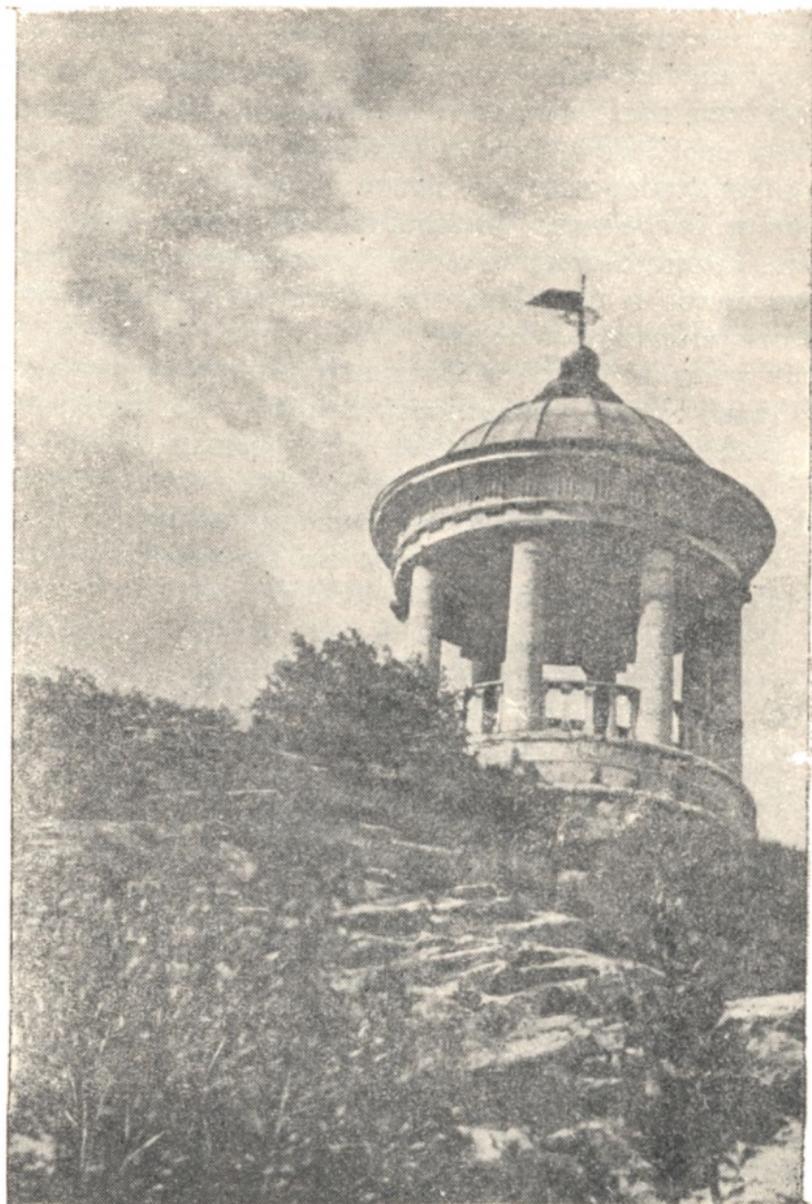
Этот опустошённый в дни фашистской оккупации уголок охватывает район Академической и Михайловской галерей с «Гротом Лермонтова» и «Эоловой арфой» и примыкает к линии домов по улицам Чкалова и Красноармейской.

О том, как парк выглядел при Лермонтове, даёт представление «Опись строениям и садам на Кавказских Минеральных Водах от 16 июня 1832 года», из которой мы и заимствуем приводимые сведения.

Парк был разбит в модном тогда английском вкусе. В разных местах его находились пять отделанных тёсаным камнем источников (Аверин, Нелюбин, Товиев, Георгиев и Ахилла), которые своими небольшими шумящими водопадами очень оживляли эту местность. Была разбита целая сеть зигзагообразных пешеходных дорожек, обложенных по краям дёрном и во многих местах обнесённых каменным барьером. Большинство этих дорожек было обсажено деревьями,— каждая какой-либо одной породы (сосна, ясень, липа, дуб, акация). Аллея, проведённая от кисло-серного источника до «Китайской беседки», находившейся над Михайловским источником, была обсажена с обеих сторон виноградом; другая виноградная аллея шла от этой беседки на восток, а от «Китайской беседки» до источника Товия виноград был посажен по трём обложенным дёрном уступам. На всех дорожках было поставлено много деревянных скамеек и дерновых диванов. Всюду на площадках и в других удобных местах были устроены разнообразные беседки и павильоны, из которых особенною известностью пользовалась «Эолова арфа».

### **Беседка „Эолова арфа“**

Из садовых украшений старого Лермонтовского Пятигорска, связанных с памятью о поэте и сохранившихся до наших дней, широкой известностью пользуется беседка «Эолова арфа». Она выделяется своей изящной архитектурой в античном стиле и замечательно удачным местоположением на скалистом уступе Машука. С этого пункта, находящегося в пределах Емануелевско-



Беседка «Эолова арфа».

го парка, открывается обширная панорама на город, его живописные окрестности, а в ясную погоду хорошо видна та «серебряная цепь снеговых вершин», которой любовался Печорин из окна своей квартиры у подошвы Машука. Неудивительно, что это место пользовалось в то время особенным вниманием «водяного общества». Помимо свидетельств современников поэта, это видно и из описания «Эоловой арфы» в повести «Княжна Мери». Лермонтов говорит о присутствии здесь в ранние утренние часы любителей видов, наводивших телескоп на Эльбрус.

Беседка «Эолова арфа» построена в 1830 — 31 гг. Сведения о том, как она выглядела при Лермонтове, мы находим в упоминавшейся уже «Описи строениям и садам на Кавказских Минеральных Водах от 16.VI-1832 года».

«Беседка,— говорится здесь, — построена по левую сторону кислосерного источника на каменной горе о восьми из тёсаного камня колоннах с капителями и архитравами. Сверх оных кругом триглифы, карниз с модильонами, купол со сводом, покрытый железом, выкрашенный на масле медянкою. На куполе деревянный шар с золотёною составом сверху решёткою и деревянною с позолотою арфою, с выкрашенным флюгером, кои утверждены на железном веретене. Вход в беседку Эола о четырёх из вытесанного камня ступеньках и с двумя по обеим сторонам парапетами. Пол тёсаного камня. Между колоннами семь перил с вырезными столярной работы решётками и семью из сосновых досок скамейками, утверждёнными к сим же колоннам, и окрашены на масле дикою краскою.

По середине беседки устроен восьмиугольный

пьедестал, а на оном круглый футляр с 4-мя отверстиями и местами для двух арф с римскими струнами, а для поворота одного футляра сделан флюгер. Свод купола оштукатурен и выкрашен тёмносиниею краскою, а середина одного разными красками, с надписью французскими словами,—где и утверждена к проведённому веретену к верхнему флюгеру стрелка, сделанная из стали и обитая жёлтою медью.

Противу входа в беседку Эола выпланирована и насыпана глиною, перемешанною с песком, площадка. В конце оной устроена клумба с цветником и кругом по обеим сторонам обложена дёрном, а посредине пирамида.

С восточной стороны возле беседки канавка, насыпанная удобренною землёю, в коей посажено 30 кустов розы... От беседки Эола в сад по обеим сторонам горы устроены дорожки зигзагами и с восточной стороны простые перила».

Звуковые впечатления «Эоловой арфы», инструмента, известного ещё в глубокой древности и вновь вошедшего в моду в эпоху романтизма, не всеми слушателями оценивались одинаково. Падчерица ген. Верзилина Эм. Ал. Шан-Гирей в своих воспоминаниях называет эти звуки «довольно гармоничными», другие называют их «унылыми». Можно думать, что они нравились Лермонтову. По свидетельству его первого биографа профессора Висковатого, на последнем вечере, устроенном поэтом в «Гроте Дианы», за неделю до его трагической гибели, во время одного антракта кто-то играл тихую мелодию на струнном инструменте, и Лермонтов уверял, что он приказал «перенести нарочно для этого вечера Эолу арфу с бельведера».

Долго ли просуществовал музыкальный механизм «Эоловой арфы» — сведений не сохранилось. По словам упомянутой уже Э. А. Шан-Гирей, «сняли же её вследствие присущей нашим туристам привычки увековечивать свои имена нелепыми надписями».

Беседка хорошо сохранилась до наших дней.

### **„Грот Лермонтова“**

Среди лермонтовских мест в Пятигорске особенной известностью пользуется «Грот Лермонтова» возле Академической галереи, который поэт избрал в «Княжне Мери» местом встречи героев повести Печорина и Веры. Он упоминает здесь о «виноградной аллее, ведущей в грот», и «прохладной тени его свода», и «каменной скамье» в нём, на которой сидела Вера в момент неожиданной встречи с Печориным. Нет сомнения, что и сам поэт не один раз в нём бывал, но сведения современников относительно его привязанности к этому живописному уголку расходятся.

О происхождении этого грота и работах по его устройству так пишет в 1831 году главный врач при управлении Кавказских Минеральных Вод Конради:

«В скале напротив Елисаветинского ключа случайно открыли пещеру, которую тотчас употребили с пользою; будучи обделана, теперь она составляет одно из прелестнейших мест в окружности. Дорожка, с одной стороны усаженная деревьями и кустарниками, с другой, имея границею самую скалу, ведёт к сей прохладной и тенистой пещере, из которой, не быв замечен, обозре-



«Грот Лермонтова».

ваешь все окрестности. Скала, в которой высечена сия пещера, есть род окреплого туфштейна, который чрез полировку получает вид мрамора. В пещере находятся скамьи, высеченные в самой скале».

Дальнейшая история грота довольно печальна. В конце 50-х годов прошлого века для содержания его в чистоте и порядке пришлось одновременно с облицовкою сделать железную решётку и держать грот на замке. Находились, правда, и почитатели поэта, но это «почитание» проявлялось иногда в таких формах, которые могли вызвать только возмущение и негодование. Достаточно указать на мраморную доску с бездарными виршами в память Лермонтова некоего

тамбовского помещика Алексеева, сооружённую им прежде всего для собственной рекламы. Эта доска в течение многих лет красовалась в гроте и убрана оттуда только в советское время.

Внешний вид грота после описанной выше переделки не изменился. Он и сейчас привлекает к себе внимание всех желающих ознакомиться с лермонтовскими местами Пятигорска.

### „Грот Дианы“

Вспоминая впоследствии об этом гроте, сохранившемся до наших дней, один из пятигорских приятелей Лермонтова Раевский рассказывал:

«Был и грот, с боковыми удобными выходами, да не тот грот на Машуке, что теперь называется Лермонтовским. Лермонтов, может, там и бывал, да не так часто, как в том, о котором я говорю, что на бульваре...»\*

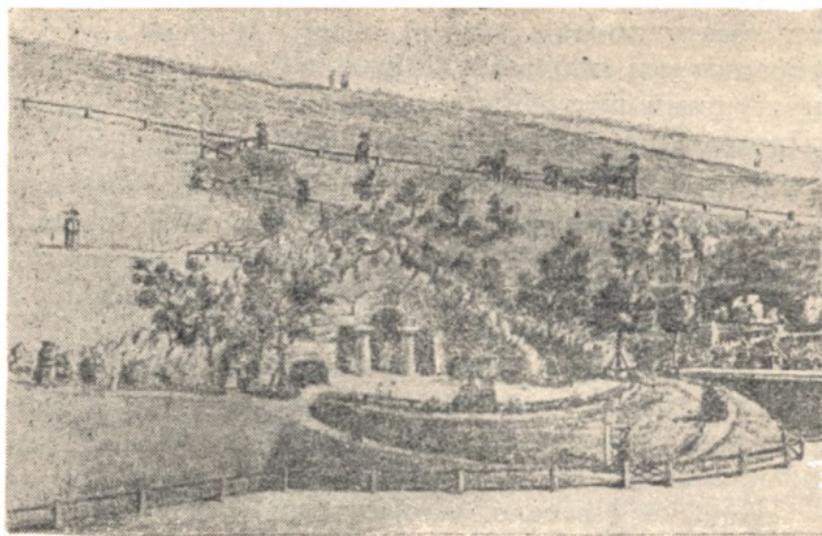
В нём вся наша ватага частенько пиновала, в нём бывали пикники; в нём Лермонтов устроил и свой последний праздник...»

Подтверждение того, что поэт часто бывал в этом гроте на бульваре, мы находим и в воспоминаниях Э. А. Шан-Гирей. В одной из своих заметок она говорит, что «если уже какой-либо грот называть именем поэта, так этот («Грот Дианы» — С. Н.). Тот, что именуется Лермонтовским гротом, — это грот Печорина...»

Приведённые отзывы свидетельствуют, как тесно связан с памятью о великом поэте сохранив-

---

\* В Лермонтовское время аллея, проходившая мимо «Грота Дианы» на Горячую гору, называлась также бульваром.



Вид «Грота Дианы» во времена Лермонтова.

шийся до наших дней грот в Цветнике, против западной половины Лермонтовских (бывш. Николаевских) ванн.

Описание грота и прилегающей к нему местности, относящееся к 1832 году, мы находим в цитированной уже не раз книге В. Броневского «Поездка на Кавказ».

Упомянув о старых ваннх зданиях на Горячей горе и проложенном к ним серповидном шоссе, высеченном по наклонной плоскости в каменной горе, Броневский продолжает:

«Под ним грот, сложенный из необделанных камней, которым хотели (да не могли) представить подобие Эльбруса,\* пред гротом, другой бульвар полукруглой формы, акациями и цвета-

---

\* Это замечание спорно.— С. Н.

ми обсаженный; а крутой скат горы до шоссе, украшенный кривыми дорожками, кущами дерёв, цветущими кустарниками, и зелёным, как бархат дёрном одетый, представляет вид, столь в целом прелестный, столь красивый и простой, что производит на чувства зрителя самое приятное и глубокое впечатление».

В вечерние часы, когда в гроте и возле него происходили собрания «водяного общества», грот и прилегающие к нему аллеи принимали неузнаваемый вид. Особенно удачным оказался вечер, устроенный в нём поэтом за неделю до своей гибели, о котором сохранился ряд воспоминаний.

«Как же я весело провела время! — пишет в письме к своей сестре кузина Лермонтова Катя Быховец. — Этот день (8 июля 1841 г.) молодые люди делали нам пикник в гроте, который был весь убран шалями; колонны обвиты цветами и люстры все из цветов; танцевали мы на площадке около грота; лавочки были обиты прелестными коврами; освещено было чудесно; вечер очаровательный; — небо было так чисто; деревья от освещения необыкновенно хороши были, аллея также была освещена... два хора музыки. Конфет, фрукт, мороженого беспрестанно подавали; танцевали до упада; молодёжь была так любезна, занимала своих гостей; ужинали, после ужина опять танцевали; даже Лермонтов, который не любил танцевать, и тот был так весел; оттуда мы шли пешком. Все молодые люди нас провожали с фонарями; один из них начал немного шалить. Лермонтов, как *cousin*, предложил сейчас мне руку; мы пошли скорей, и он до дому меня проводил...

Этот пикник последний был, ровно чрез неде-

лю мой добрый друг убит, а давно ли он мне этого изверга, его убийцу, рекомендовал как то-варища, друга!»

Прекрасное представление о «Гроте Дианы» и прилегающей к нему местности в год гибели Лермонтова даёт хорошо исполненная акварель художника Иванова, точную копию с которой можно видеть в отделе музея, посвящённом последнему пребыванию поэта в Пятигорске.

В настоящее время вблизи от «Грота Дианы» находится летний театр и музыкальная раковина, где часто выступают прославленные певцы и музыканты.

### „Провал“

К числу лермонтовских мест Пятигорска относится и широко известный «Провал» на Машуке. О нём упоминается в записи Печорина от 11 июня, повествующей о вечерней прогулке туда многочисленного общества. В этой записи приводится и господствовавшее тогда мнение о вулканическом происхождении провала.

О местоположении «Провала» и дороге к нему в первой половине прошлого века Печорин сообщает:

«...он находится на отлогости Машука, в версте от города. К нему ведёт узкая тропинка между кустарников и скал...»

Несколько далее Печорин записывает в своём дневнике:

«Мы пришли к Провалу; дамы оставили своих кавалеров, но она (княжна Мери.—С. Н.) не покидала руки моей. Остроты здешних денди её не смешили; крутизна обрыва, у которого она

стояла, её не пугала, тогда как другие барышни пищали и закрывали глаза».

Что же представлял собою «Провал» в то отдалённое от нас время?

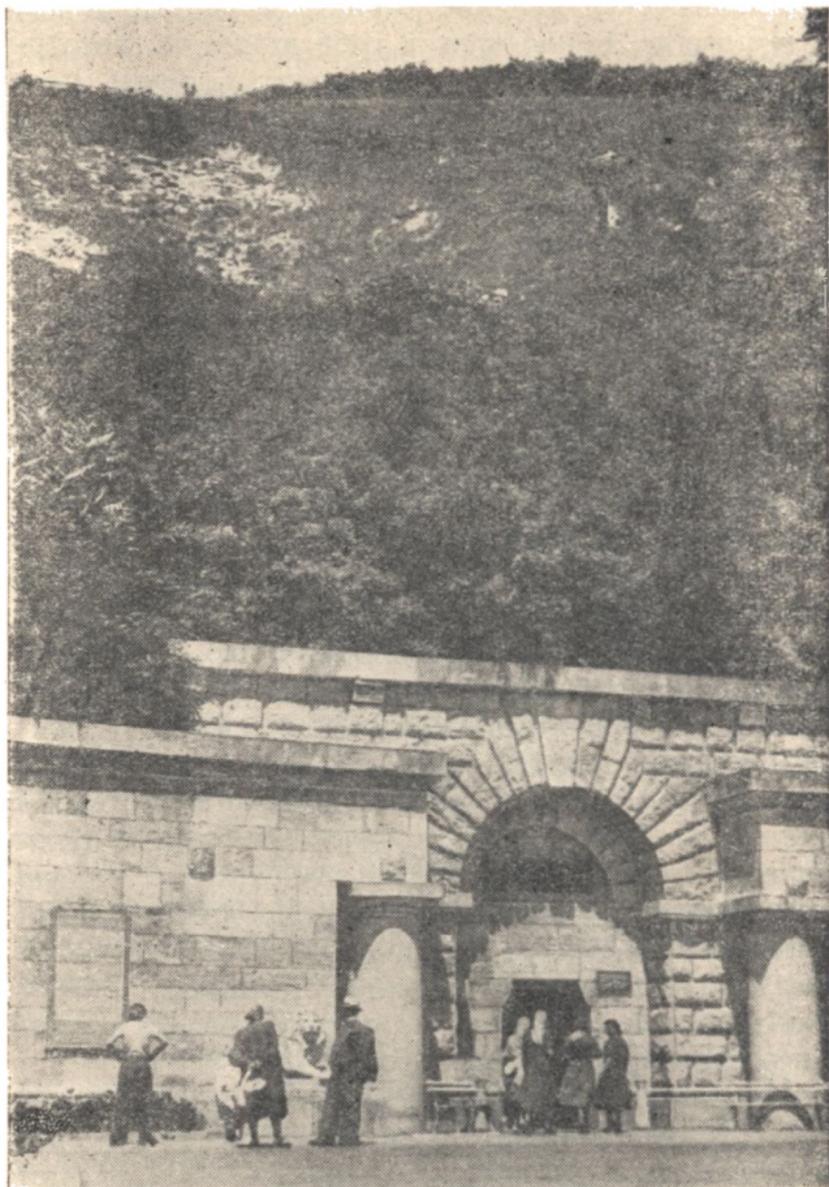
Прежде всего следует сказать, что тогда ещё не было существующего ныне тоннеля, который был прорыт только в 1858 году, и публика, желавшая осмотреть «Провал», должна была подниматься к его воронке. Эта последняя была значительно меньшего диаметра, чем сейчас, — со времени Лермонтова она значительно расширилась вследствие постоянных осыпей и обвалов, продолжающихся и в наши дни. Вот почему тогда над «Провалом» можно было устраивать своеобразные развлечения, о которых рассказывает Э. А. Шан-Гирей:

«Князь Владимир Сергеевич Голицын, — пишет она, — умевший хорошо устраивать празднества, любил доставлять удовольствия молодёжи. Однажды он вздумал сделать сюрприз такого рода:

Устроил помост над провалом (тогда тоннеля не было) такой прочный и обширный, что на нём без страха танцевали в шесть пар кадрили. Этот висячий мост держался долго. Любопытные спускались на блоке до самой воды».

Об этом висячем мосте нашлись сведения и в одном из архивных дел Пятигорского Госархива.

Из материалов можно установить, что мост был выстроен в 1837 г. с главной целью предоставить возможность желающим осмотреть «Провал», спускаться туда в небольшой кабинке на канате при помощи ворота и блоков. Мост простоял до 1841 г., когда был разобран за ветхостью.



«Провал».

В настоящее время пятигорский «Провал», как интересное явление природы, ещё больше, чем прежде, привлекает к себе внимание посетителей. Наука объясняет его происхождение продолжительным действием на горные породы воды, идущей из глубины Машука.

### **Пятигорская ресторация**

Много прекрасных зданий взорвано и сожжено в Пятигорске в дни фашистской оккупации, уничтожено и здание бывшей ресторации (оно недавно восстановлено, но с большими отклонениями от прежнего плана). Во времена Лермонтова ресторация являлась главным центром, где собиралось «водяное общество».

Здесь приезжому можно было остановиться на 2—3 дня до подыскания квартиры, получать обеденный стол и развлекаться на вечерах и балах.

Вот как изображено в дневнике Печорина начало первого бала, на котором он спасает княжну от оскорбления:

«Зала ресторации превратилась в залу благородного собрания. В 9 часов все съехались. Княгиня с дочерью явилась из последних; многие дамы посмотрели на неё с завистью и недоброжелательством, потому что княжна Мери одевается со вкусом... Танцы начались польским; потом заиграли вальс. Шпоры зазвенели, фалды поднялись и закружились».

Хорошее представление о балах того времени в ресторации можно также получить из цитированной уже нами книги Лачиновой «Проделки на Кавказе»:

«Пятигорские балы, — пишет Лачинова, — до-

вольно благовидны: зала, где танцуют, просторна, опрятно содержана, изрядно освещена, музыка порядочная. Приезжие дамы корчат большую простоту в одежде, но в наряде их проглядывает иногда тонкое изящество, — что вовсе не лишнее, если выкинуто со вкусом. Пестрота военных мундиров, разнообразие фрачных покровов и причёсок, различие приёмов — от знатной барыни до бедной жены гарнизонного офицера. От столичного денди до офицера пятигорского линейного батальона, который смело выступает с огромными эполетами, с галстуком, выходящим из воротника на четверть, и до чиновника во фраке, с длинными почти до полу фалдами, с высокими брызжами, подпирающими щёки,— всё это прелюбопытно и занимательно. Но когда начнутся танцы, тут и смех и горе!

Когда все эти лица бледные, изнурённые от лечения и насильственного пота, задвигаются, невольно помыслишь о сатанинской пляске. И тут же, для довершения картины, проделки пехотных офицеров ногами, жеманство провинциального селадона, шпоры поселённого улана, припрыжки и каблуки гусара, тяжёлые шаги кирасира, притворная степенность артиллериста, педантические движения офицера генерального штаба, проказы моряка, грубые, дерзкие ухватки казако-лампасного драгуна. Всё странно и забавно...»

Лермонтов довольно часто бывал в ресторации, принимая участие в развлечениях «водяного общества», как во время первой ссылки, так и в последнее пребывание в Пятигорске в 1841 году.

Известно также, что в этот последний приезд

он останавливался в ресторации на одну ночь вместе с своим близким родственником и другом А. А. Столыпиным.

### **Лермонтовские (бывшие Николаевские) ванны**

Из всех ваннх зданий лермонтовского времени до наших дней сохранились только бывшие Николаевские, носящие ныне имя поэта. Это имя присвоено им не случайно.

Во время первой ссылки в 1837 году Лермонтов, простудившись дорогой, приехал в Пятигорск, как он писал С. А. Раевскому, «весь в ревматизмах» и в течение всего сезона должен был лечиться серными ваннами. В бывшем Николаевском ванном здании за время с 4.VI по 23.VI в кабине № 4 он принял 20 ванн и затем перешёл в старые Ермоловские с более высокой температурой воды.

Постройка Николаевских ванн началась в 1826 г. и была закончена в 1831 г. В то время это было одно из лучших ваннх зданий в России. Его внешний вид сохранился до настоящего времени почти без изменений, но внутреннее устройство переделано коренным образом. Рост числа посетителей заставлял постепенно увеличивать количество ванн, а в советское время здание внутри было капитально переоборудовано. Из средней части здания, по всей его длине, ванны были перенесены к северной и южной стенам, а посредине, где раньше стояли ванны, был устроен коридор. Кабины, в которых поэт принимал ванны, теперь не существуют.

Из других перемен можно отметить: пробивку



**Лермонговские ванны.**

стены и устройство входа с юго-западной стороны, замену деревянных потолков кирпичными сводами и досчатых полов в ваннных комнатах каменными.

С лечением на курорте в лермонтовские времена можно хорошо познакомиться по книге В. Броневского «Поездка на Кавказ».

«Метода здешних медиков,—пишет он,—одинакова: они подвергают тела больных своим действию всех вод по порядку, и, сыскав приличнейшую для рода болезни, тем не менее отпускают их для укрепления на Железные и Кислые воды. Таким образом над чужим телом учатся, приобретают опытность, а за ошибки, неминуемые при такой пробе вод, больные платят своим здоровьем. Многие жалуются на дурные последствия; но все один за другим делают то же, и то же, и отъезжая, проклинаят и воды и всех докторов на свете! Словом здесь лечат и лечатся так, что исцеляются или получают облегчение только случайно; и точно так же здесь можно выздороветь, как на дороге избежать хищников, не быв ими ограблен или убит».

### **Здание курортной поликлиники**

(в 1837 году канцелярия коменданта)

Среди немногих каменных домов лермонтовского времени, составлявших тогда украшение Пятигорска и сохранившихся до наших дней, обращает на себя внимание трёхэтажный дом, именовавшийся прежде «домом для неимущих офицеров», а ныне занимаемый курортной поликлиникой (д. № 21 по проспекту имени Кирова).

Дом этот в своё время предназначался для по-

мещения больных и раненых офицеров Кавказского корпуса, которым комнаты предоставлялись по установленным правилам, причём значительную роль играло материальное положение раненого или больного офицера.

В нашем распоряжении нет данных, подтверждающих, что Лермонтов, лечившийся летом 1837 г. в Пятигорске, жил в этом доме, но что он должен был побывать в нём хотя бы два раза, — бесспорно. В 1837 году в одной из комнат «дома для неимущих офицеров» помещалась канцелярия пятигорского коменданта, куда каждый офицер был обязан являться по прибытии в Пятигорск и перед отъездом из него.

Расположение комнат в двух нижних этажах этого здания до наших дней осталось прежним. Однако установить, в какой именно комнате находилась канцелярия Пятигорского коменданта, пока не удалось.

### **Дом Е. А. Хастатовой**

На том месте нынешнего проспекта имени Кирова, где сейчас находятся пушкинские ванны, до начала 900-х годов можно было видеть скромный деревянный домик, выходящий на улицу, и несколько других строений, с небольшим фруктовым садиком позади.

Усадьба эта была собственностью сначала бабушки Лермонтова Е. А. Хастатовой, а после её смерти (в 1830 г.) и до 1883 г. её сына Ак. Ак. Хастатова. Здесь в течение всего летнего сезона 1825 г. жил со своей бабушкой Е. А. Арсеньевой 10-летний мальчик — будущий великий поэт М. Ю. Лермонтов.

Это пребывание почти в военной обстановке под охраною сторожевых постов, медленные переезды с «оказиями», а также слышанные им от бабушки Хастатовой и других лиц рассказы из боевой жизни на Кавказе произвели на ребёнка неизгладимое впечатление.

«Сторожилы в Тарханах помнили, — говорит первый биограф поэта профессор Висковатый, — что Миша, побывав на Кавказе, всё им был занят; из воску лепил горы и черкесов и «играл в Кавказ».

Имеются сведения, что Лермонтов посещал Хастатовскую усадьбу и в свои позднейшие приезды на Кавказские Минеральные Воды во время первой и второй ссылок.

Выстроенный Хастатовой деревянный дом в 6 комнат со службами был перевезён ею в сломанном виде из Георгиевска. Строился он, повидимому, в конце 1820 и начале 1821 г. К весне 1825 г. камышовая крыша на этом доме пришла в ветхость, и Хастатова, ожидая к себе в гости родных из России, обратилась в учреждённую при Кавказских Минеральных Водах строительную комиссию с прошением о разрешении ей перекрыть камышовую крышу тёсом.

В 1834 г., в связи с переходом дома во владение Ак. Ак. Хастатова, была составлена оценочная опись, из которой видно, что этот исторический домик был деревянный на каменном фундаменте в шесть комнат, под тесовой крышей, окрашенной зелёной краской. Для зимнего жилья он был признан непригодным в виду того, что старый мелкий лес, из которого он был построен, особенно снаружи, оказался при осмотре гнилым и трухлявым.

**Бывший дом Чиляева,  
ныне мемориально-бытовой памятник  
„Домик Лермонтова“ при Госмузее имени  
поэта**

Из всех лермонтовских мест Пятигорска самым ценным и дорогим является, конечно, быв. дом Чиляева, ныне «Домик Лермонтова» (Лермонтовская ул., 18), где поэт провёл с друзьями последние месяцы своей жизни и куда после поединка было перевезено его тело.

Здесь же им написаны стихотворения «Сон», «Тамара», «Дубовый листок», «Выхожу один я на дорогу», «Морская царевна», «Пророк» и др.

Этот исторический памятник пользуется самой широкой популярностью у трудящихся. Всякий приезжающий на Кавказские Минеральные Воды считает своим долгом посетить музей — домик великого русского поэта-патриота.

Расположенная ныне по Лермонтовской улице под № 18 быв. Чиляевская усадьба входила в состав большого земельного участка на углу нынешних улиц Лермонтовской и Карла Маркса, принадлежавшего тогда коллежскому асессору Уманову. По архивным материалам можно установить, что первые постройки на этом земельном участке появились в 1823 году, но, когда построен исторический домик, сведений пока найти не удалось. Известно только, что западная часть быв. Умановского участка с выходящим на улицу домом и пристройками к нему (ныне Лермонтовская, 18) перешла в 1835 году во владение родственника Уманова В. И. Чиляева. Можно предполагать, что под жилой дом была переделана одна из старых пристроек.

Такого же мнения придерживается и первый биограф поэта профессор Висковатый.

«Он (дом),— говорит Висковатый, — очевидно воздвигался помаленьку. К нему пристраивали то новый вход и сени, то заменяли дверь окном и обратно...»

Самое раннее из известных нам изображений домика, относящееся к 1853 году, помещено было в журнале «Орёл» (№ 2—1859 г.) Н. Симаковым, однако, последний, главное внимание на своём рисунке обратил на дом, выходящий на улицу, полагая, очевидно, что поэт жил в нём.

В конце 70-х гг. домик поэта был сфотографирован пятигорскими фотографами, а в 1882 г. зарисован художником Кондратенко.

За истекшее время домик претерпел немало изменений.

Обстоятельные сведения об этом историческом памятнике в лермонтовское время и план его можно найти у П. К. Мартьянова в статье «Последние дни жизни Лермонтова».

«Наружность домика,— пишет Мартьянов, — самая непривлекательная. Одноэтажный, турлучный, низенький, он походит на те постройки, которые возводят отставные солдаты в слободках при уездных городах. Главный фасад его выходит на двор и имеет три окна, но все они различной меры и вида... Сбоку домика, с правой стороны, пристроены деревянные сени с небольшим о двух ступенях крылечком. Стены снаружи обмазаны глиной и выбелены извёсткой. Крыша тростниковая с одной трубой».

Внутри домик был разделён капитальными стенами на четыре комнаты, из которых две, выходящие окнами во двор, считались «Столы-



Музей «Домик Лермонтова».

пинской половиной», а две другие, с окнами в сад,—«Лермонтовской половиной». Мебель почти вся была самой простой работы. В кабинете поэта, по словам Мартьянова, находились тогда «под окном простой довольно большой стол с выдвижным ящиком, имеющим маленькое медное колечко и два стула. У глухой стены, против двери в зало, прикрытая двумя тоненькими дощечками длинная и узкая о шести ножках кровать (3 $\frac{1}{4}$  арш. длины и 14 верш. ширины) и трёхугольный столик. В углу между дверями печь, по сторонам дверей четыре стула».

«Общий вид квартиры,—говорит Мартьянов,—далеко не представителен. Низкие, приземистые комнаты, стены которых оклеены не

обоями, но простой бумагой, окрашенной домашними средствами: в приёмной — мелом, в спальне — голубоватой, в кабинете — светлосерой и в зале — искрасна-розовой клеевой краской. Потолки положены прямо на балки и выбелены мелом, полы окрашены жёлтой, а двери и окна синеватой масляной краской».

О дальнейшей судьбе домика имеются сведения в Академическом издании полного собрания сочинений М. Ю. Лермонтова 1913 г.:

«Уже в 1880-х годах,— сообщается в этом издании,— когда усадьба Чиляева перешла от его сына к некоему Вейштордту, домик был обложен кирпичом; ставней при окнах уже не было, маленькое окно было увеличено до высоты остальных окон; с южной стороны дома, на месте крылечка, ведущего вниз дома, сделана пристройка одной комнаты и лёгкого типа сеней под отдельной от дома крышей. 15 июля 1884 г. Пятигорской Городской думой была установлена на первой фасадной стороне дома при входной двери мраморная доска с надписью: «Дом, в котором жил поэт М. Ю. Лермонтов»... В 1894 г. во владение дома вступил П. С. Георгиевский».

В том же Академическом издании сообщаются сведения и об устройстве в быв. доме Чиляева музея имени М. Ю. Лермонтова.

«К 1909 г.,— говорится здесь,— разрядом изящной словесности им. Академии наук был поднят вопрос, чтобы эта реликвия перестала составлять частную собственность, и в 1912 г. (15 марта) Пятигорская городская управа приобрела всю усадьбу за 15 000 руб. в собственность города, а 15 июля того же года в этом домике было положено начало музею имени поэта...»



**Окно в сад из комнаты Лермонтова.**

Первые годы музей влачил жалкое существование. Пополнение его экспонатами шло очень медленно, и они носили, в большинстве, случайный характер. То же следует сказать и относительно обстановки. Не приходится поэтому удивляться, что и посещаемость музея была настолько ограниченной, что даже в 1916 г., на 4-й год после открытия, музей посетило за год всего 620 человек.

Значение музея резко изменилось только после Великой пролетарской революции. Его финансовое положение улучшается, и музейные фонды начинают быстро расти. В то же время предпринимаются шаги по реставрации музея. Так, в 1931—32 гг. была произведена реставрация выходящих во двор окон, уменьшенных до прежних размеров, и восстановлены в прежнем виде сени. В 1939 г. восстановлен в прежнем виде балкон, с заменой выходящего на него окна дверью, и, наконец, в 1948 г. внутренность домика, посредством изоляции пристроенной позднее пятой комнаты и соединения дверью кабинета поэта с комнатой Столыпина получила в основном прежний вид.

Как мы уже говорили, в 1916 г. за весь год домик-музей посетило всего 620 человек. В советское время посещаемость музея характеризуется такими цифрами :

В 1937 г.	музей посетило	— 65	тыс.	человек.
» 1938 г.	»	»	87	»
» 1939 г.	»	»	93	»
» 1940 г.	»	»	83	»
» 1951 г.	»	»	85	»
» 1952 г.	»	»	95	»
» 1953 г.	»	»	105	»
» 1954 г.	»	»	121	»



Письменный стол и кресло, принадлежавшие  
М. Ю. Лермонтову.

Важным событием в жизни музея была передача ему быв. дома Верзилиных, где произошло столкновение Лермонтова с Мартыновым.

В этом доме в 1948 году было открыто историко-литературное отделение, перенесённое туда из домика, а последний остался лишь мемориально-бытовым памятником.

Из экспонатов, связанных с памятью о поэте, наибольшую ценность представляют принадлежавшие ему письменный стол и кресло, поступившие в своё время в дар от Евгении Акимовны Шан-Гирей, дочери близкого родственника и друга поэта Акима Павловича Шан-Гирея. Об этих двух вещах дарительница в своих ещё неопубликованных воспоминаниях пишет:

«После смерти Лермонтова бабушка его навсегда покинула Петербург и переехала к себе в Тарханы. Отец мой, ликвидируя по поручению бабушки их петербургскую квартиру, оставил себе на память письменный стол и кресло, за которым поэт создал многие свои великие произведения. С этим столом, как рассказывал отец, было у него связано много воспоминаний о поэте. За ним он читал отцу свои произведения. Накануне последнего отъезда Лермонтова из Петербурга они вместе разбирали бумаги, старые рукописи поэта, хранившиеся в ящиках этого стола, отбирая нужные стихотворения для нового сборника, ненужные рукописи сжигали в камине.

Вскоре после смерти бабушки отец переехал на постоянное жительство в Столыпинку и, несмотря на длинный путь, взял их с собой и заботился в дальнейшие годы об их сохранности. После смерти отца мы с матерью также берегли эти вещи, которые были так дороги отцу».

Из других экспонатов домика необходимо отметить картину «Штурм Варшавы», возможно написанную самим Лермонтовым, и несколько других его картин в хорошо исполненных копиях, а также небольшой круглый столик из прежней челявской обстановки и остеклённый посудный шкаф из быв. Верзилинского дома, где поэт бывал летом 1841 года.

**Бывший дом Верзилиных,  
ныне историко-литературное отделение  
Госмузея „Домик Лермонтова“**

Среди пятигорских знакомых Лермонтова в год его последнего пребывания на Кавказских Минеральных Водах особенно видное место занимает семейство быв. наказного атамана Кавказского линейного войска генерал-майора Верзилина.

«В то время,— рассказывает один из пятигорских приятелей поэта Н. П. Раевский,— посещались только три дома постоянных обитателей Пятигорска. На первом плане, конечно, стоял дом генерала Верзилина. Там Лермонтов и мы все были дома».

«Как сейчас вижу его,— вспоминает о поэте падчерица ген. Верзилина Эм. Ал. Шан-Гирей,— среднего роста, коротко стриженный, большие красивые глаза; говорил он приятным грудным голосом; любил повеселиться, посмеяться, поострить, затевал кавалькады, распоряжался на пикниках, дирижировал танцами и сам очень много танцевал. В продолжение последнего месяца перед смертью он бывал у нас ежедневно. Здесь в этой самой комнате (зал, где произошло столкновение с Мартыновым—С. Н.), он любил расска-

зывать, танцевать, слушать музыку; бывало сестра заиграет на пианино, а он подсядет к ней, опустит голову и сидит неподвижно час, другой. Зато как разойдётся да пустится бегать в кошки-мышки, так бывало нет удержу... Характера он был неровного, капризного, то услужлив и любезен, то рассеян и невнимателен».

Дом Верзилиных, в котором Лермонтов так часто бывал в 1841 г. и где произошло его столкновение с Мартыновым, находится на углу нынешних улиц Карла Маркса и Буачидзе (№ 13 по ул. Карла Маркса). До Великой Октябрьской революции он состоял во владении наследников ген. Верзилина, в последующее время до 1948 года, использовался под жилплощадь. С 1948 года, после капитального ремонта, отведён под историко-литературное отделение музея «Домик Лермонтова».

Из всех комнат дома наиболее связанными с памятью о поэте, по словам его племянницы Евг. Аким. Шан-Гирей, являются две угловые, выходящие окнами на ул. Буачидзе. Из них небольшая, выходящая окнами на ул. Карла Маркса и Буачидзе, во времена Лермонтова была будуаром жены ген. Верзилина—М. И. Верзилиной (сейчас в ней размещена экспозиция по второй ссылке поэта—С. Н.).

В этой комнате в утренние часы хозяйка дома и её дочери занимались, по словам Евгении Акимовны, разнообразными рукоделиями.

«Лермонтов,— говорит она,— являлся с кем-нибудь из своих приятелей и велись весёлые разговоры. Иногда молодёжь уходила в зал и занималась музыкой... Моя мать хорошо играла. Тётя тоже недурно, и Трубецкой тоже играл хорошо.



Бывший дом Верзилиных.

Иногда Лермонтов слушал со вниманием, весь отдаваясь музыке».

Относительно этого зала, в котором Лермонтов особенно часто бывал, Евгения Акимовна, по рассказам, слышанным ею от своей матери, сообщила ещё такие сведения:

«Комната эта, называвшаяся раньше залом, угловая с юго-западной стороны дома. В ней четыре окна, из которых два, с довольно широким простенком, выходят на улицу Буачидзе и два других\*—во двор. В простенке между окнами на улице стоял мягкий пружинный трёхместный диванчик со спинкою, обитый ситцем (на нём вече-

---

\* При устройстве веранды они были заделаны.

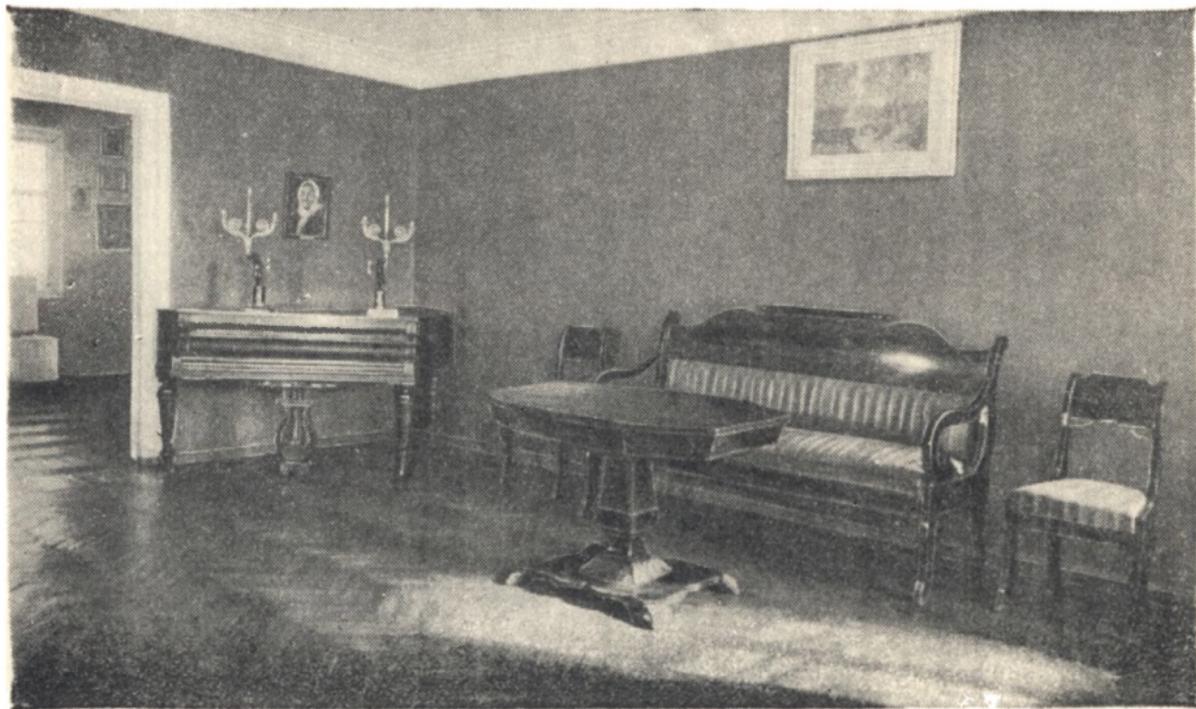
ром 13.VII-1841 г. перед ссорой сидели и вели оживлённый разговор М. Ю. Лермонтов, дочь хозяйки Эмилия Александровна и Лев Сергеевич Пушкин — брат поэта). Над диванчиком висело овальное зеркало. Фортепиано, на котором играл кн. Трубецкой, стояло в северо-восточном углу комнаты. Около него перед ссорой стояли и разговаривали Надежда Петровна Верзилина и Мартынов.

Остальную обстановку зала составляли мягкие, обитые ситцем стулья и складывавшийся из двух отдельных половин круглый раздвижной стол на 50 мест. Половинки стола в сложенном виде были придвинуты к западной и восточной стенам зала, примерно на середине его».

Из зала одни двери (ныне заложенные) вели в дамскую гостиную и следующую за ней комнату — упомянутый будуар М. И. Верзилиной, а другие в кабинет ген. Верзилина (сейчас первая комната музея). Ещё одна небольшая дверь в восточной стене ближе к северу соединяла зал с тёмным коридором, который служил для сообщения между другими комнатами дома, не связанными с памятью о поэте.

Вход в дом в лермонтовское время был со двора с западной стороны. Сейчас он заложен, но лестница, на которой 13 июля после вечера происходил разговор, закончившийся вызовом на дуэль, сохранилась в прежнем виде.

В настоящее время особенным вниманием посетителей бывш. Верзилинского дома — ныне историко-литературного отделения музея — пользуется упомянутый выше мемориальный зал, где произошло преддуэльное столкновение М. Ю. Лермонтова с Мартыновым. В ближайшем будущем



**Зал в доме Верзилиных, в котором произошло столкновение  
М. Ю. Лермонтова с Мартыновым.**

предполагается, по возможности, придать его обстановке прежний вид, но и теперь в нём находится ряд вещей, связанных с памятью о поэте или о прежних обитателях дома.

Следующие залы, по шестой включительно, посвящены жизни и творчеству Лермонтова. В этом разделе музея мы встречаем, помимо других ценных материалов, немало выдающихся произведений изобразительного искусства. К ним, в первую очередь, следует отнести проникновенно написанные иллюстрации (оригиналы) художников: И. Е. Репина — к последнему стихотворению поэта «Пророк», В. А. Серова — к повести «Бэла», М. А. Зичи — к поэме «Демон».

Заслуживают также внимания работы художников: Б. М. Кустодиева — на сюжеты «Песни о купце Калашникове», Д. Н. Кардовского, — иллюстрирующие неоконченный роман «Княгиня Лиговская», и Н. В. Кузьмина — иллюстрации к драме «Маскарад».

Из старых кавказских видов можно назвать картины-оригиналы видных художников Гагарина, Лагорио и Виллевалде.

Среди экспонированных в музее оригинальных портретов выделяются прежде всего портреты самого М. Ю. Лермонтова, кисти художника Пастернака (т. н. «Дума») и неизвестного художника (в гусарском ментике).

Значительным количеством оригинальных портретов лиц из окружения поэта представлены известные художники прежнего времени: П. Соколов, Варнек, Райт, Клюндер и другие.

В залах, отражающих пребывание Лермонтова на Кавказе, можно видеть посвящённые этому пребыванию картины местных художников Бессо-



Скульптуры персонажей из романа «Герой нашего времени» (скульптор И. Ф. Шаховская).

нова и Качинского, а также скульптуры персонажей романа «Герой нашего времени», работы пятигорского скульптора Шаховской.

Последний большой зал музея и прилегающая к нему комната перед выходом представляют собой самостоятельный раздел на тему «Лермонтов и наша современность». Здесь совсем недавно была произведена реэкспозиция, значительно пополнившая собранные ранее материалы новыми ценными экспонатами.

Ближайшее ознакомление с этим разделом самым убедительным образом показывает, какую высокую оценку получило в наши дни гениальное творчество великого русского поэта. Об этом прежде всего свидетельствуют высказывания Н. К. Крупской, С. М. Кирова, А. М. Горького и видных деятелей в разных областях советской науки и искусства. О том же говорят витрины с многочисленными советскими изданиями произведений поэта на русском языке и на 56 языках народов СССР.

Особенно много экспонатов посвящено современным постановкам лермонтовских пьес и прежде всего драмы «Маскарад», которые с огромным успехом проходят и в театрах, и в кино.

Из других экспонатов привлекают внимание произведения советских композиторов на тексты поэта и работы советских художников на темы о его жизни и творчестве. Среди последних надолго запоминается картина художника Биргера «Лермонтов», на которой поэт изображён в минуту творческого вдохновения за письменным столом в своём петербургском кабинете. Очень выразителен также мраморный бюст поэта работы скульптора Абакумцева.



Зал «Лермонтов и наша современность».

Широкое признание М. Ю. Лермонтова в наши дни особенно подчёркивается художественно исполненными иллюстрациями к произведениям поэта и его портретами, работы палешан и других кустарных художественных артелей на шкатулках из папье-маше.

Ещё одним показателем необыкновенной популярности у нас Лермонтова, даже среди детей школьного возраста, является целая серия разнообразных и в большинстве удачных школьных рисунков и картин на сюжеты из жизни и творчества поэта.

Отдельный большой простенок заполнен материалами на тему «Лермонтов и Великая Отечественная война» (1941—1945 гг.). Высокопатриотические произведения поэта — такие, как «Бородино», или посвящённые горячо любимой им Москве, цитировались в сотнях газет и журналов военного времени, и некоторые из них, в виде хорошо оформленных фотокопий, нашли себе место на этом простенке среди других ценных экспонатов.

Значительное место в экспозиции зала занимают экспонаты, свидетельствующие о том внимании, которое советский народ уделяет увековечению памяти своего любимого поэта. Помимо памятников ему, можно видеть фотографические снимки улиц, школ, библиотек, парков, парходов и т. п., которым присвоено имя М. Ю. Лермонтова.

Последняя небольшая комната заполнена разными видами лермонтовских мест в наши дни.

Вот вкратце экспозиционные материалы, украшающие теперь бывший верзилинский дом, собранные главным образом в советское время.

## Дом № 16 по Лермонтовской улице на углу улицы Анджиевской

Этот дом, последней владелицей которого была Буйницкая, в лермонтовское время также принадлежал ген. Верзилину и отдавался в наймы. В 1841 году там постоянно жил с своей семьёй сослуживец генерала — полковник Зельмиц, и временно на лето здесь сняли комнаты будущий убийца Лермонтова — Мартынов и его секундант Глебов.\*

Лермонтов изредка бывал у Зельмица и довольно часто у Мартынова и Глебова.

Дом генерала Верзилина (исключая позднейшие пристройки по ул. Анджиевского) сохранился почти в прежнем виде. Вход был тогда, как и в настоящее время, со двора.

Есть основание предполагать, что поэт не только бывал в этом доме, но и жил в нём во время своего лечения в Пятигорске в 1837 году, и вот по каким соображениям:

1. Как уже отмечено Е. И. Яковкиной в её книге «Лермонтовские места» «...это, пожалуй, единственный дом в Пятигорске времён Лермонтова» на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука, из окон которого видны и «Пятиглавый Бешту», и «мохнатая персидская шапка Машука», и цепь Кавказских гор, и «чистенький, новенький городок».

2. Местопребывание в 1837 году офицерского отделения пятигорского военного госпиталя, в котором тогда лечился от ревматизма Лермонтов,

---

\* Там же, по сведениям Мартьянова, занимал комнату пятигорский приятель поэта Н. Раевский.

пока установить не удалось. Однако, исходя из того, что в более поздние годы оно помещалось в домовладении Диковых (унаследовавших его от ген. Верзилина), есть основание предполагать, что оно могло находиться в 1837 г. в доме № 16 по Лермонтовской улице.

### **Бывшая усадьба Арешева**

В № 174 «Пятигорской правды» от 31.VII-1940 г. была опубликована интересная статья Н. И. Бронштейн под заглавием «Дом, в котором бывал Лермонтов». В этой статье автор передаёт целый ряд сведений о товарище поэта по Московскому благородному пансиону Н. М. Сатине и среди них — адрес дома, в котором проживал тяжело больной Сатин во время пребывания летом 1837 г. в Пятигорске.

Этот адрес был извлечён автором статьи из письма Сатина к своему другу Астракову, хранящегося в рукописном отделе библиотеки имени Ленина, где он изложен таким образом:

«Адрес мой: просто на моё имя в г. Пятигорск, Кавказской области. Ежели хочешь, можешь прибавить: в доме Арешева».

Исходя из воспоминаний Сатина, в которых последний пишет, что Лермонтов приходил к нему в тот период почти ежедневно после обеда отдохнуть и поболтать, и затем рассказывает о первой встрече у него на квартире поэта с В. Г. Белинским,— Н. И. Бронштейн придаёт своей находке очень большое значение. При этом она ссылается на план Пятигорска 1831 года, где усадьба Арешева обозначена под № 15, и без колебаний устанавливает квартиру Сатина в д. № 28 по проспек-

ту имени Кирова (на углу ул. Карла Маркса).

Однако дело обстоит не так просто, как это казалось автору вышеупомянутой статьи, так как под № 15 на плане 1831 года значится не один дом, а целых четыре (если даже остальные отмеченные на плане четыре строения считать хозяйственными постройками). В настоящее время из этих четырёх домов осталось три\* (№ 28 по проспекту имени Кирова и два угловых домика на участке быв. Арешева по Красноармейской ул. под № 10).

О котором из этих четырёх домов идёт речь в письме Сатина, установить невозможно, и потому Лермонтовским местом приходится считать всю быв. усадьбу Арешева, занимающую квартал между бывшей гостиницей «Бристоль» и улицей Карла Маркса.

### **Памятник в городском сквере**

С осмотра этого широко известного памятника поэту начинаются, обычно, все многочисленные экскурсии по Лермонтовским местам Пятигорска. Сюда же в день гибели М. Ю. Лермонтова (15) 28 июля ежегодно собираются трудящиеся города для возложения венков и проведения митинга, посвящённого памяти великого поэта-патриота.

История сооружения памятника, открытого (16) 28 августа 1889 г., показывает, с какими трудностями проводились в старое время такого рода начинания.

---

\* Четвёртый дом, находившийся на проспекте имени Кирова рядом с быв. гостиницей «Бристоль», разрушен во время оккупации Пятигорска.

В тридцатую годовщину со дня смерти Лермонтова, в июле 1871 года, начался сбор средств для сооружения памятника поэту в Пятигорске. Жертвовали деньги преимущественно мелкие служащие, интеллигенция, крестьяне, вносявшие небольшие суммы, и сбор средств продолжался 18 лет. Всего было собрано 53 398 руб. 46 коп. Для составления проекта памятника объявили конкурс. Сооружение поручили скульптору А. М. Опекушину.

Открытие памятника привлекло много самой разнообразной публики, с приветственной речью выступил и знаменитый осетинский поэт Коста Хетагуров.

### **Памятник на месте дуэли**

В 1881 году, в связи с 40-летием со дня гибели М. Ю. Лермонтова, была образована специальная комиссия по определению места дуэли.

Ближайшее участие в работе этой комиссии принял и оказавшийся в то время в Пятигорске первый биограф поэта профессор Висковатый.

Прежде всего комиссия попыталась использовать архивы Пятигорского комендантского управления и Тенгинского пехотного полка (где поэт служил последнее время), но не достигла никаких результатов. Каких-либо относящихся к этому делу документов там не оказалось. Пришлось обратиться к ещё находившимся тогда в живых современникам поэта, имевшим то или иное отношение к горестному событию. Из таких лиц отыскивались пятигорские мещане — Евграф Чалов, державший во время дуэли лошадей её



Памятник М. Ю. Лермонтову на месте дуэли.

участников, и Иван Чухнин — брат извозчика, перевозившего тело поэта с места дуэли.

На Чалова, как на лицо, могущее помочь в этом деле, указал проживавший в то время в Пятигорске близкий родственник поэта Ак. Ак. Хастатов.

С помощью названных лиц комиссия и определила место поединка, а затем сделала ещё одну попытку проверить свои выводы путём опубликования протокола своих изысканий в печати.

Не получив, повидимому, каких-либо новых указаний, она отметила установленное ею место дуэли небольшой каменной пирамидой.

Открытая после того подписка на сооружение памятника дала такие ничтожные результаты, что с трудом удалось лишь в 1901 году поставить памятник временного характера, через пять лет уже пришедший в совершенную негодность. После этого был снова поставлен временный памятник, ещё более скромного вида, и только в связи с предстоящим столетним юбилеем оказалось возможным в 1915 году поставить постоянный памятник по проекту скульптора Микешина.

Этот памятник, представляющий собой обелиск из кисловодского песчаника, с бюстом поэта в нише обелиска, находится на указанном комиссией месте и в настоящее время. Позднее к нему была добавлена невысокая ограда из каменных столбиков с цепями и четырьмя грифами по углам, по своему стилю не особенно гармонирующая с обелиском.

В наши дни это место пользуется исключительным вниманием трудящихся. Сюда на автомашинах и пешком направляются многочисленные экскурсии.

## **Памятник на месте первоначального погребения М. Ю. Лермонтова на пятигорском кладбище**

Этот памятник был поставлен на пятигорском кладбище в 1901 году на месте, указанном специальной комиссией, возле фундамента бывшей кладбищенской церкви, в год смерти поэта ещё не существовавшей, а позднее (в середине 90-х годов) разобранный по случаю появления трещин на её стенах.

Выбор этого места ввиду отсутствия каких-либо других оснований можно объяснить только тем, что рядом с ним находится склеп, в котором похоронен родственник и друг М. Ю. Лермонтова Аким Павлович Шан-Гирей и его близкие. А между тем сохранившаяся литография с зарисовки пятигорского кладбища, исполненной в 1841 году вскоре после гибели поэта его приятелем А. И. Арнольди, и очевидно неизвестная членам упомянутой выше комиссии, позволяет определить это место точнее.

В самом деле, два отчётливо выделяющихся на этой литографии надгробных памятника, расположенных восточнее изображённой там же могилы Лермонтова,\* находились, несомненно, значительно ближе к могиле поэта, чем к месту, указанному комиссией (метров на 5—7).

В правильности такого заключения можно было бы убедиться, если бы путём небольших раскопок

---

\* В настоящее время сохранилось основание одного из этих памятников.



Памятник на пятигорском кладбище на месте первоначального погребения М. Ю. Лермонтова.

удалось найти каменную плиту с соответствующей надписью, оставшуюся в раскопанной могиле после того, как его тело было увезено в Тарханы.

## КИСЛОВОДСК

«Недаром Нарзан называется богатырским ключом. Здешние жители утверждают, что воздух Кисловодска располагает к любви, что здесь бывают развязки всех романов, которые когда-либо начинались у подошвы Машука. И в самом деле, здесь всё дышит уединением, здесь всё таинственно, и густые сени липовых аллей, склоняющихся над потоком, который с шумом и пеною, падая с плиты на плиту, прорезывает себе путь между зеленеющими горами, и ущелья, полные мглой и молчанием, которых ветви разбегаются отсюда во все стороны, и свежесть ароматического воздуха, отягощённого испарениями высоких южных трав и белой акации, — и постоянный, сладостно-усыпительный шум студёных ручьёв, которые, встретясь в конце долины, бегут дружно взапуски и наконец кидаются в Подкумок».

Так описывает Лермонтов красоты природы Кисловодска в повести «Княжна Мери». И действительно, Кисловодск по богатству и разнообразию природы, по исключительно благоприятному климату является, пожалуй, самым лучшим курортом во всей Минераловодской курортной группе.

Расположенный в замечательных географических условиях, защищённый горами от северных ветров, Кисловодск имеет прекрасный мягкий климат, огромное количество солнечных дней и особенно чудесный прохладный, свежий воздух.

Но в наши дни этот город славится не только своей природой. Он известен всей стране как первоклассная здравница, с высокой лечебной культурой, с прекрасными санаториями-дворцами.

Совершенно иным был Кисловодск во времена М. Ю. Лермонтова.

Ещё за несколько лет до первых посещений Лермонтовым Кавказа Кисловодск находился в первобытном состоянии.

А ведь в это время уже было хорошо известно о лечебном значении минеральных вод. Но царское правительство мало заботилось о широком их использовании.

«Как мало забот прилагается к содержанию и лучшему устройству столь целебных минеральных источников, которые могли бы приносить большую пользу, если бы их больше знали и если бы пользование ими сопряжено было с каким-либо удобством».

Эти слова написаны в 1807 г. одним из учёных, посетившим воды. Примерно такое же положение сохранялось и во времена Лермонтова. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что в 1823 г., как о великом императорском «благодеении», говорили о «высочайшем указе» об учреждении на водах аптеки с назначением туда двух врачей и трёх лекарских учеников.

В лермонтовские времена Кисловодск, как место для лечения, не имел самостоятельного значения. Больные ездили туда только после прохождения лечения в Пятигорске и Железноводске. Этот «метод» применялся для всех категорий больных, независимо от характера и степени заболевания.

Кисловодский источник нарзана тогда по сво-



Окрестности Кисловодска с видом на Эльбрус.

им целебным свойствам был довольно широко известен. Однако он был совершенно неблагоустроен. Воду черпали ковшиками, кружками, стаканами из обыкновенного колодца с деревянным срубом. Возле источника находились купальни, где принимались ванны.

«В 1829 г.,— пишет один из исследователей лечебных вод на Кавказе Баталин,— саженьях в 20 на восток от источника была выстроена новая купальня. Она состояла из двух огромных калмыцких кибиток, обтянутых полотном и сукном... Между ними на дворе, огороженном забором, помещались деревянные самовары... Около 1832 г

купальня эта была заменена новою досчатою, снаружи и внутри обитою сукном. В ней было 4 мужских и 4 женских ванны для подогретого нарзана и два бассейна для цельных и дождевых ванн. Наружный вид здания не отличался красотою, стены были постоянно закопчёны дымом, густыми клубами выходявшим из высоких труб деревянных самоваров. В шутку купальню эту называли винокурненным заводом. Здание с небольшими изменениями просуществовало до 1846 г.».

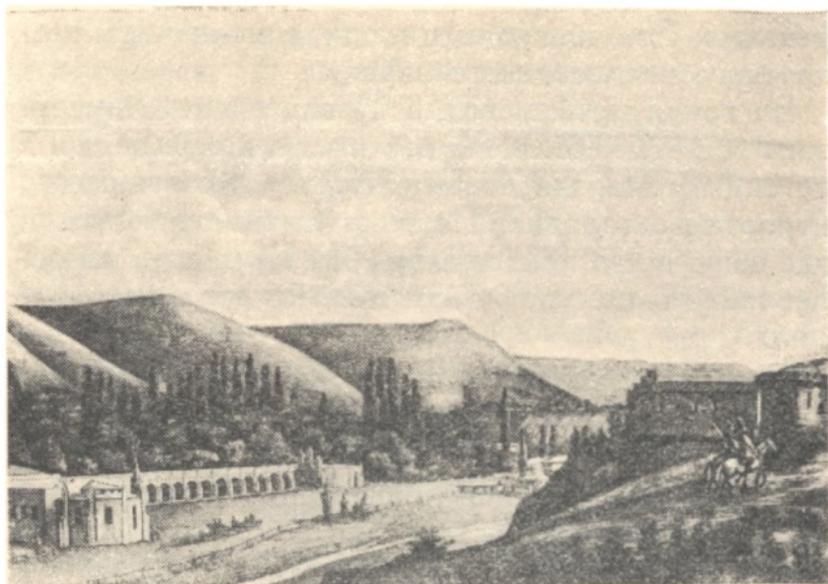
Поскольку других ваннх зданий здесь в этот период не было, то, несомненно, Лермонтов имел в виду именно эту купальню, описывая принятие Печориным освежающей ванны перед дуэлью с Грушницким:

«Велев седлать лошадей, я оделся и сбежал к купальне. Погружаясь в холодный кипятток нарзана, я чувствовал, как телесные и душевные силы мои возвращались. Я вышел из ванны свеж и бодр, как будто собирался на бал».

Кисловодск того времени представлял собой небольшой посёлок с возвышающейся на горе крепостью.

Жизнь «водяного общества» в Кисловодске ничем не отличалась от жизни в Пятигорске, так как общество фактически было одно и то же. Время собиравшихся здесь людей проходило в бесконечных балах, пикниках, кавалькадах. Об облике подавляющего большинства этих людей можно судить по следующему описанию одним из посетителей вечера в Кисловодской ресторации:

«В зале все суетились. Музыка играла. Все воображали, по крайней мере, что веселятся. Была третья французская кадрили... Толпа зрителей



Нарзанная галерея в пятидесятых годах прошлого века.

разбирала красоту и ловкость приезжих дам, или смеялись над ужимками туземок и над одеждой жён и дочерей офицеров местного гарнизона, ставших выказывать себя и своё тряпье в той мысли, что подражают современной моде».

При посещениях Кавказских Минеральных Вод Лермонтов каждый раз бывал в Кисловодске. О нём он часто упоминает в своих произведениях.

Многие места здесь напоминают нам о великом поэте и его гениальных произведениях.

### **Лермонтовская площадка**

Если пройти белую колоннаду центрального входа в городской парк, перед глазами откроется небольшая площадь, окружённая высокими де-

ревьями. Эта площадь в наши дни—начало прекрасного кисловодского парка.

Во время пребывания в Кисловодске Лермонтова вся эта небольшая местность, прилегавшая к источнику Нарзан, была центром зарождавшегося курортного городка. Поэтому именно эти места, где чаще всего приходилось бывать поэту, наиболее живо напоминают нам о нём и его произведениях.

Сразу же при входе в парк на небольшой возвышенности расположена площадка с двумя лестницами.

В круглой каменной нише стены, выложенной на этой площадке, установлен бюст Лермонтова. Под ним — строки лермонтовского стихотворения:

Хотя я судьбой на заре моих дней,  
О, южные горы, отторгнут от вас,  
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:  
Как сладкую песню отчизны моей,  
люблю я Кавказ.

Это место в городском парке называется «Лермонтовская площадка».

Построена она недавно, в 1948 году, на том самом месте, где с 1823 по 1944 год стояло деревянное здание Кисловодской ресторации.

В ресторации собиралось общество, находившееся на водах. Там устраивались балы и другие развлечения. Несомненно, что наблюдения Лермонтова во время посещения ресторации за жизнью и нравами этого общества сыграли значительную роль при написании им «Княжны Мери».

Ресторация занимает видное место в эпизодах

повести, относящихся к пребыванию Печорина в Кисловодске. В первой же дневниковой записи по прибытию сюда Печорин писал:

«В ресторации, построенной на холме, в нескольких шагах от моей квартиры, начинают мелькать вечером огни сквозь двойной ряд тополей; шум и звон стаканов раздаётся до поздней ночи».

Печорин часто бывает в ресторации. В одно из посещений он смотрит представление фокусника, о прибытии которого в Кисловодск в своём дневнике он записал:

«Вчера приехал сюда фокусник Апфельбаум. На дверях ресторации явилась длинная афишка, извещающая почтеннейшую публику о том, что вышеименованный удивительный фокусник, акробат, химик и оптик, будет иметь честь дать великолепное представление сегодняшнего числа в восемь часов вечера, в зале благородного собрания (иначе — в ресторации)».

В ресторации происходит и одна из центральных сцен повести: встреча Грушницкого с Печориным, закончившаяся дуэлью.

«Лермонтовская площадка» — одно из наиболее многолюдных мест в Кисловодске. Здесь постоянно можно видеть группы людей самых различных профессий и возрастов с глубоким вниманием и интересом рассматривающих это достопримечательное место, связанное с именем поэта. Сюда ежедневно приходят и приезжают экскурсии не только из Кисловодска, но и из Пятигорска, Ессентуков, Железноводска.

Рядом с «Лермонтовской площадкой» находится знаменитая галерея «Нарзан». Это тот же самый источник, который существовал при Лермонтове, однако, теперь он стал совершенно неуз-

наваем в результате многочисленных перестроек и усовершенствований.

Где-то (установить точно не удаётся) в районе нарзанного источника на территории парка находился небольшой дом Е. А. Хастатовой, впоследствии снесённый по ветхости.

Предполагают, что во время посещения Кисловодска в 1825 г. Е. А. Арсеньева с внуком оставилась в этом доме.

### **Дом Реброва**

Поднимаясь по лестнице на верх «Лермонтовской площадки», вы можете пройти на улицу Коминтерна. Немного ниже по этой улице находится дом № 5, примыкающий с северной стороны к дому № 3.

Этот двухэтажный дом, с длинными деревянными галереями, представляет собой основательно, до неузнаваемости, перестроенный бывший дом помещика Реброва.

Знаменит он тем, что в 1829 г. в нём останавливался А. С. Пушкин, а в 1837 г., как утверждает предание, в нём жил М. Ю. Лермонтов.

Особенно широкую известность на Кавказских Минеральных Водах этот дом получил после выхода в свет романа «Герой нашего времени». С этого времени дом Реброва стал известен так же, как место, где жили княжна Мери и Вера.

Упрашивая Печорина приехать в Кисловодск, Вера говорит ему:

«...Приезжай через неделю в Кисловодск: послезавтра мы переезжаем туда... Найми квартиру рядом; мы будем жить в большом доме близ источника, в мезонине; внизу княгиня Лиговская, а

рядом есть дом того же хозяина, который ещё не занят...»

В этом же доме происходит свидание Печорина с Верой. После свидания он «около двух часов пополуночи... отворил окно и, связав две шали, спустился с верхнего балкона на нижний, придерживаясь за колонну». В это время происходит та ночная сцена, которая, по роману, наделала в Кисловодске столько шума и, в конце-концов, привела к дуэли между Печориным и Грушницким.

### **Кисловодская крепость**

Пройдя колоннаду центрального входа в парк, поверните направо и идите вдоль небольшой горной речушки. Метров через 150—200 справа, на высоком левом берегу, будет видно большое здание, украшенное колоннами и спускающимися к речке лестницами. Это санаторий ВЦСПС № 15, называющийся иначе «Крепость». Название санаторий получил потому, что он стоит на том месте, где до 1862 г. стояла Кисловодская крепость. Построена она была в 1803 году с целью «обезопасить приезжавших в Кисловодск больных, а также заводившиеся там постройки от нападения горцев».

В «Княжне Мери» Лермонтов несколько раз упоминает крепость. Во времена Лермонтова она ещё имела военное значение. Это подтверждают следующие строки из повести:

«Я ехал через слободку. Огни начинали угасать в окнах; часовые на валу крепости и казаки на окрестных пикетах протяжно перекликались...»

Если пройти небольшой мостик через речку и подняться по лестнице на территорию санатория, с южной стороны можно увидеть остатки крепостной стены с бойницами, угловую башню и крепостные ворота.

В основном же крепость была разрушена в начале 60-х годов, так как к этому времени она уже совершенно потеряла своё значение.

### **„Лермонтовская скала“**

Из лермонтовских мест в окрестностях Кисловодска наиболее широкую известность среди жителей и посетителей Кавказских Минеральных Вод имеет «Лермонтовская скала».

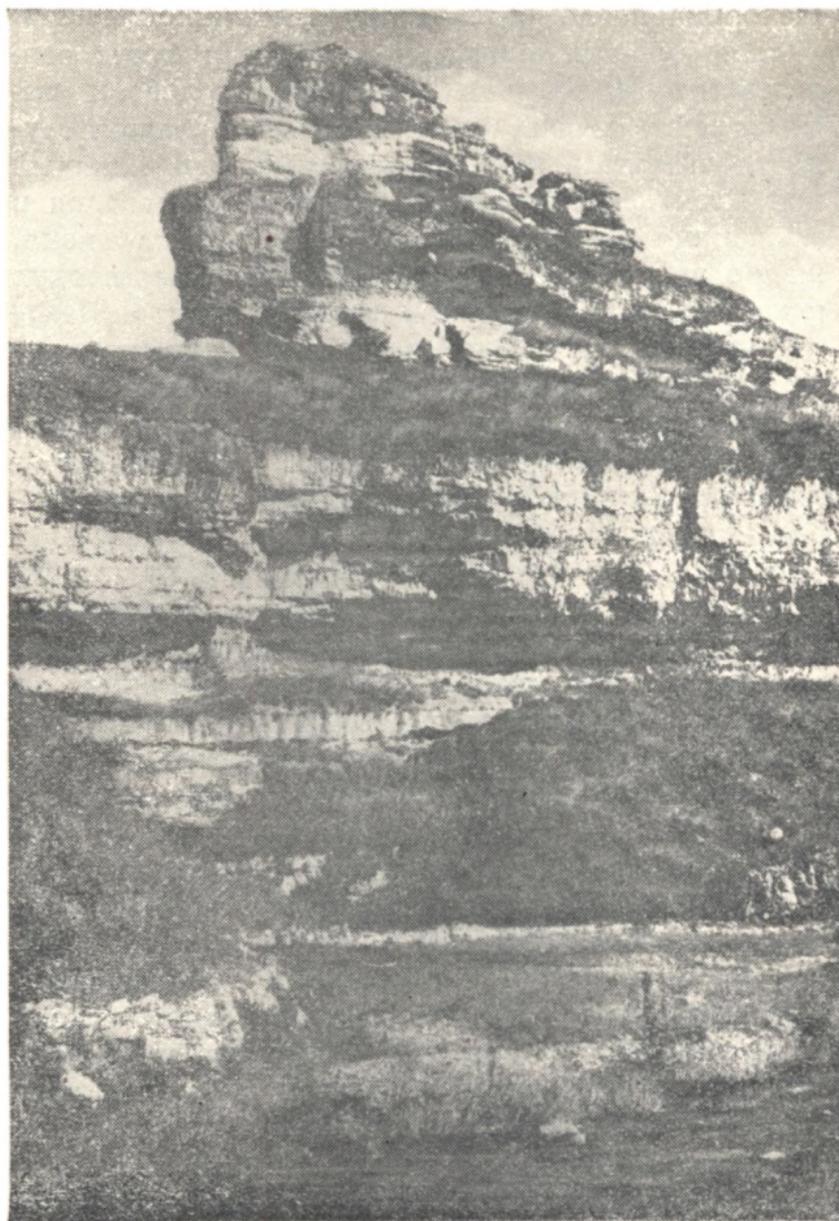
Она известна как место, где произошёл поединок между Печориным и Грушницким.

Скала эта находится в 4 километрах от центра Кисловодска в ущелье реки Ольховки.

Лермонтову часто приходилось совершать прогулки в этом живописном ущелье. Поэтому он довольно точно описал его в своём романе.

Приняв освежающую ванну, Печорин сел на лошадь и вместе со своим секундантом — доктором Вернером — двинулся к назначенному месту. «Мигом проскакали мимо крепости через слободку и въехали в ущелье, по которому вилась дорога, полузаросшая высокой травой и ежеминутно пересекаемая шумным ручьём...»

Если пройти по этому пути, т. е. вверх по течению р. Ольховки, то, примерно в двух километрах от Кисловодска, можно увидеть небольшой водопад, получивший название «Лермонтовского водопада». Несомненно, именно это место и имел в виду Лермонтов, описывая прогулку



**«Лермонтовская скала».**

Печорина после объяснения с княжной Мери:

«...я был взволнован и поскакал в горы развевать мысли, толпившиеся в моей голове. Росистый вечер дышал упоительной прохладой. Луна подымалась из-за тёмных вершин. Каждый шаг моей некованой лошади глухо раздавался в молчании ущелий; у водопада я напоил коня, жадно вдохнул в себя раза два свежий воздух южной ночи и пустился в обратный путь».

Направляясь по этому ущелью к месту дуэли, Печорин вскоре заметил своих противников: «Посмотрите, доктор: видите ли вы на скале направо чернеются три фигуры? Это, кажется, наши противники?..» Местом дуэли Печорин избрал самую вершину этой скалы:

«Итак, вот что я придумал. Видите ли на вершине этой отвесной скалы, направо, узенькую площадку? оттуда до низу будет сажен тридцать, если не больше; внизу острые камни. Каждый из нас станет на самом краю площадки; таким образом даже лёгкая рана будет смертельна: это должно быть согласно с вашим желанием, потому что вы сами назначили шесть шагов».

Эта скала и получила после выхода в свет романа «Герой нашего времени» наименование «Лермонтовской скалы».

«Вот мы взобрались на вершину выдавшейся скалы; площадка была покрыта мелким песком, будто нарочно для поединка. Кругом, теряясь в золотом тумане утра, теснились вершины гор, как бесчисленное стадо, и Эльбрус на юге вставал белою громадой, замыкая цепь льдистых вершин, между которых уж бродили волокнистые облака, набежавшие с востока. Я подошёл к краю площадки и посмотрел вниз; голова чуть-

чуть у меня не закружилась: там внизу, казалось, темно и холодно, как в гробе; мшистые зубцы скал, сброшенных грозой и временем, ожидали своей добычи.

Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный треугольник».

«Лермонтовская скала» находится в ущелье Ольховки километрах в двух от водопада. В результате разрушительного действия ветров и дождей вершина её в настоящее время стала трудно доступной.

### „Кольцо-гора“

Внимание пассажиров, подъезжающих электропоездом к Кисловодску, обычно привлекает любопытное создание природы. Там, где невысокая горная гряда, тянувшаяся вдоль железнодорожного полотна, вдруг круто поворачивает вдоль пересекающего дорогу бурного Подкумка, к ущелью реки тянется длинный горный отрог, заканчивающийся огромным кольцом.

Это — «Кольцо-гора» — одно из любимых мест прогулок местных жителей и приезжающих на отдых посетителей Кисловодска. Это место было хорошо знакомо Лермонтову.

«Верстах в трёх от Кисловодска, — читаем мы в дневнике Печорина, — в ущельи, где протекает Подкумок, есть скала, называемая Кольцом; это — ворота, образованные природой; они поднимаются на высоком холме, и заходящее солнце сквозь них бросает на мир свой последний, пламенный взгляд».

Сюда на прогулку отправляется с многочислен-



«Кольцо-гора».

ным своим окружением княжна Мери. Об этой прогулке Печорин в том же дневнике писал:

«Многочисленная кавалькада отправилась туда посмотреть на закат солнца сквозь каменное окошко. Никто из них, по правде сказать, не думал о солнце. Я ехал возле княжны; возвращаясь домой, надо было переезжать Подкумок в брод. Горные речки самые мелкие опасны, особенно тем, что дно их — совершенный калейдоскоп: каждый день от напора волн оно изменяется; где был вчера камень, там нынче яма».

«Кольцо-гора» как одно из лермонтовских мест, привлекает к себе многочисленные экскурсии,

## ЖЕЛЕЗНОВОДСК

Каждый, кто бы ни приехал в Железноводск, в этот прекрасный по своим бальнеологическим факторам и природным условиям курортный город Кавказских Минеральных Вод, невольно вспоминает о великом русском поэте—М. Ю. Лермонтове, чьё имя так тесно связано с Кавказом.

Где находятся в этом живописном курортном городе те памятные лермонтовские места, которые воскрешают любимый образ поэта? Что создано великим поэтом в Железноводске?

Здесь он жил и лечился в 1825 году, когда Е. А. Арсеньева привезла своего внука на лечение минеральными водами, которые в то время уже начинали приобретать широкую известность. Лермонтов был в Железноводске в 1837 году, будучи уже известным поэтом.

Последнее посещение Лермонтовым Железноводска относится к 1841 году. Отсюда, из Железноводска, поэт 15 июля 1841 года выехал на дуэль с Мартыновым и был убит у подножья Машука.

Лермонтов любил Железноводск и, как утверждает биограф поэта П. А. Висковатый, проводил в нём «добрую часть своего времени».

Приезжая лечиться минеральными водами, Лермонтов, как и все больные, должен был придерживаться существующих в то время правил лечения. Эти правила сводились к тому, что независимо от рода болезни, каждый больной должен был начать лечение серными ваннами в Пятигорске и закончить лечение нарзанными ваннами в Кисловодске. Промежуточной ступенью в «лечении» были «Железные ванны» в Железноводске.

О том, что Лермонтов принимал «Железные ванны», говорит запись от 8 июля 1841 года в «книге регистрации Кавказских Минеральных Вод на записку прихода и расхода купальных билетов», из которых видно, что в этот день выдано «г. поручику Лермонтову четыре билета в Калмыцкие ванны по 50 коп за билет на 2 рубля».

Нам трудно представить, как выглядели «железные воды» во времена Лермонтова. Некоторые сведения о неприглядном состоянии Железноводска в те времена можно почерпнуть из книги врача П. Савенко «Кавказские Минеральные Воды», вышедшей в 1828 году.

Для приёма ванн в то время служили два строения: одно турлучное ветхое под камышовой крышей с одной полуразвалившейся купальней и второе—деревянное, в то время новое, более приличного вида. Из жилых помещений, которыми пользовались больные, приезжающие на «железные воды», имелись один деревянный дом, выстроенный в 1824 году от правительства, и несколько турлучных домиков, устроенных на покатости горы недалеко от деревянных купален. Из-за недостатка квартир многие из посетителей «железных вод» пользовались калмыцкими кибитками, которые обыкновенно ставились недалеко от ванн деревянного строения.

Более подробные сведения о Железноводске периода пребывания там Лермонтова даёт один из первых бальнеологов доктор Ф. Баталин в своей книге «Пятигорский край и Кавказские Минеральные Воды» на основании материалов, собранных им в 1856 году.

В своей книге он пишет:

«Единственная улица станицы сначала (от пятигорских ворот до церкви) идёт в направлении от Востока к Западу, поднимаясь в гору до самой церкви, расположенной на перевале террасы и лежащей футов на 150 выше восточного въезда в станицу. По обеим сторонам улицы тянутся казацкие домики... Улица эта... выводит на Железноводскую площадку, где находятся два здания казённой гостиницы, купальня при № 1 Калмыцких ванн и некоторые частные дома...»

«...К северу от Железноводска на склоне горы расположен так называемый железноводский парк. В нём находится большая часть здешних минеральных ключей. Определённой границы он не имеет, а составляет часть густого и довольно рослого лиственного леса, покрывающего сплошь всю Железную гору от подошвы до вершины».

Прекрасная кавказская природа оказывала на Лермонтова самое благотворное влияние. Стоит только припомнить письмо поэта к С. А. Раевскому периода его первой ссылки. Неудивительно, что он так много времени проводил в красивом, живописном Железноводске. К сожалению, до сих пор остаётся неизвестным, где и в каких домах в Железноводске останавливался и жил поэт.

В Железноводске Лермонтов провёл и свой последний день перед дуэлью.

Вот что писала 5 августа 1841 г. своей сестре кузина Лермонтова Катя Быховец о своей последней встрече с поэтом:

«Как приехали на Железные, Лерм(онтов) сейчас прибежал; мы пошли в рощу и всё там гуляли. Я всё с ним ходила под руку... Он при всех был весел, шутил, а когда мы были вдвоём, он ужасно грустил, говорил мне так, что сейчас

можно догадаться, но мне в голову не приходила дуэль...

В колонке обедали. Уезжавши он целует несколько раз мою руку и говорит: *Cousine*, душенька, счастливее этого часа не будет больше в моей жизни.

Я ещё над ним смеялась; так мы и отправились.

Это было в пять часов, а (в) 8 пришли сказать, что он убит».

Приведённые выше сведения позволяют считать Железноводск, и особенно его парк, одним из мест, наиболее тесно связанных с памятью о поэте. Правда, современный железноводский курорт с его образцовыми санаториями и домами отдыха не сохранил каких-либо зданий времён Лермонтова, но, тем не менее перед каждым приезжающим в Железноводск встаёт образ великого русского поэта-патриота.

## СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Великий русский поэт . . . . .	3
М. Ю. Лермонтов на Кавказских Минеральных Водах . . . . .	9
Лермонтовские места на Кавказских Минеральных Водах . . . . .	43
Пятигорск . . . . .	43
Пятигорский бульвар . . . . .	46
Кислосерный Елисаветинский источник . . . . .	49
Емануелевский парк . . . . .	51
Беседка «Эолова арфа» . . . . .	52
«Грот Лермонтова» . . . . .	56
«Грот Дианы» . . . . .	58
«Провал» . . . . .	61
Пятигорская ресторация . . . . .	64
Лермонтовские (бывшие Николаевские) ванны . . . . .	66
Здание курортной поликлиники . . . . .	68
Дом Е. А. Хастатовой . . . . .	69
Бывший дом Чиляева, ныне мемориально-бытовой памятник «Домик Лермонтова» при Госмузее имени поэта . . . . .	71
Бывший дом Верзилиных, ныне историко-литературное отделение Госмузея «Домик Лермонтова» . . . . .	79
Дом № 16 по Лермонтовской улице на углу улицы Анджиевского . . . . .	89
Бывшая усадьба Арешева . . . . .	90
Памятник в городском сквере . . . . .	91
Памятник на месте дуэли . . . . .	92

Памятник на месте первоначального по- гребения М. Ю. Лермонтова на пя- тигорском кладбище . . . . .	95
Кисловодск . . . . .	97
Лермонтовская площадка . . . . .	101
Дом Реброва . . . . .	104
Кисловодская крепость . . . . .	105
«Лермонтовская скала» . . . . .	106
«Кольцо-гора» . . . . .	109
Железноводск . . . . .	111

По лермонтовским местам.

Редактор *К. И. Пронская*. Художник *Х. С. Балашов*.  
Художественный редактор *И. И. Харсекин*.  
Тех. ред. *Т. В. Стеблянко*. Корректор *В. И. Анзина*.

---

Ставропольское книжное издательство, 1955 г.

---

Сдано в набор 18.III-55 г. Подписано к печ. 10.VI-55 г.  
Авт. л. 3,7. Уч.-изд. л. 4,6. Печ. л. 4,35.  
Бумага 70x92<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бум. л. 1,875. Заказ № 1588.  
Тираж 25 000 экз. Цена 3 руб. 15 коп. ВГ01044.

---

Краевая типография, г. Ставрополь, ул. Артёма, 18.







Цена 3 руб. 15 коп.

Адрес издательства:

г. Ставрополь н/К., ул. Артёма № 18.